

К
36

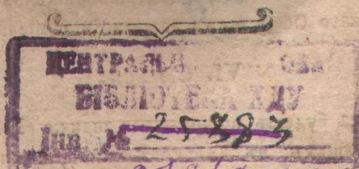
УКРАИНСКІЙ ВѢСТНИКЪ

К
на

1816^й ГОДЪ.

КНИЖКА ОСЬМАЯ.

Мѣсяцъ Августъ.

27/8/8-12 год.

30

Планъ сего Журнала.

I. Науки и искусства;

Въ семь отдѣленій помѣщаемы будутъ статьи собственно до наукъ и искусствъ касающіяся: разсужденія, рѣчи, историческіе очерки и п. п.

II. Живописная проза;

Её составляють будутъ картинныя мѣста изъ авторовъ, какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ, въ подлинникахъ и переводѣ.

III. Дѣтское чтеніе;

Повѣсти, нравственныя черты, анекдоты.

IV. Стихотворенія;

Оды, посланія, пѣсни и другіе роды стиховъ — по выбору.

V. Харьковскія записки;

Статьи касательно Университета, Ученаго, Филотехническаго, Благотворительнаго и Библейскаго Обществъ; замѣчанія о театрѣ и пр.

VI. Смѣсь;

Сюда будетъ относиться также Библіографія выходящихъ въ Харьковѣ книгъ, краткія рецензіи, извѣстія о несчастныхъ и разныя увѣдомленія.

УКРАИНСКІЙ ВѢСТНИКЪ

МѢСЯЦЪ АВГУСТЪ

I. НАУКИ И ИСКУСТВА.

Письмо къ одному изъ Издателей (Ф — му)

Благодарю васъ покорнѣйше за приглашеніе приятнымъ письмомъ отъ 27 Маія, дабы я сообщилъ въ вашъ Журналь мое замѣчаніе на статью о *Малороссіи*. Въ ней означено время и случай названія какъ ея, такъ и Украины,—и о семъ то кратко изъяснялъ я мои мысли въ письмѣ къ почтеннѣйшему И. П. Въ слѣдъ за симъ буду имѣть удовольствіе доставить свое замѣчаніе и въ волѣ вашей останется, по разсмотрѣніи его, помѣстить въ Украинскомъ Вѣстникѣ — или нѣтъ. Я не честолюбивъ и не зараженъ мечтаніемъ, будто могу быть историкомъ или писателемъ; но не могу не признаться, что имѣю страсть къ открытію безвѣстностей здѣшняго края въ отношеніи къ временамъ

древнимъ, — и готовъ принять всякое опытное поправленіе или опроверженіе моихъ ошибокъ безъ малѣйшаго на то сѣ-
тованія. Вы мнѣ, М. Г. м.! много дѣлаете
чести — похваляя труды мои; но я отно-
шу это единственно къ благопріятству
вашему. Впрочемъ мысль ваша: что ни
что касающееся древности не является
свѣту вдругъ и явнымъ, и истиннымъ, —
а всегда дѣлается такимъ по времени,
возраженіямъ и доказательствамъ — эта
мысль была и моею мыслию; и она же самая
въ числѣ главныхъ причинъ той моей склон-
ности, что я при слабой учености осмѣ-
ливаюсь иногда сообщать открыто мои
мнѣнія и изслѣдованія. Да и непростительно
кажется не заниматься свѣденіями о той
странѣ, — гдѣ кто живетъ, ежели хоть
малую къ тому возможность и способы
имѣеть. — Труды ученыхъ испытателей
древностей, труды общихъ историковъ
нашего Отечества неоспоримо достой-
ны всякаго уваженія; но можно ли, — взявъ
во вниманіе обширность нашей Имперіи,
такъ же великіе перемены въ древности, —
можно ли и со всевозможнымъ тщаніемъ

въ точности все описать и означить безъ мѣстныхъ свѣдѣній и личнаго обозрѣнія? Притомъ не встрѣчаются ли иногда важныя недоуменія, которыя послѣ разрѣшаетъ какой нибудь внѣзапный случай?— Не смѣю касаться извѣстныхъ и ушверженныхъ судомъ публики Россійскихъ Исторій и Землеописаній; однако живучи близъ — или въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, кои наши Историки и Географы описываютъ и встрѣчая очевидныя несходства, — я рѣшаюсь замѣтить здѣсь въ примѣръ: 1е) въ 1152 году описывается походъ Владимирскаго и Суздальскаго Князя Юрья Владимировича къ Чернигову и упоминается по дорогѣ къ оному *Березовѣ* при рѣкѣ Свинѣ съ присовокупленіемъ, что мѣста его надобно искать по близости Брянска: потому что де отъ сего города Свиньской Монастырь недалеко. Но мы здѣсь живущіе и безъ всякихъ ученыхъ изслѣдованій вѣдаемъ, что Брянскъ далеко за Глуховомъ; а напрошивъ по дорогѣ отъ Глухова къ Чернигову въ 11 верстахъ отъ послѣдняго шекла рѣчка Свиня, которая потомъ обратилась въ болото

Замглай, старожилами и поднесъ *Свинью* называемое. Вершина сей рѣчки до сихъ поръ шакъ зовешся и при устьѣ ея стоящая деревня сохраняетъ шакъ же еще сѣ намянованіе. Возлѣ ея по правую сторону при Глуховской дорогѣ находишся старое село *Березанка*; естли сѣ село и не шотъ самый *Березовъ*, — то рѣчка дѣйствительно та: ибо продолженіе Исторіи показываетъ, что Князь Юрій обратнo ошъ Чернигова шель чрезъ Свинь и Сновъ, — а Сновъ за Замглаемъ въ 5 верстахъ по той же дорогѣ. 2-е) Малый здѣшній городъ *Горбдія* признали древнимъ городомъ *Сновѣйскомъ* Черниговскаго Княжества и къ нему щепомъ приписали множество могильныхъ кургановъ, произшедшихъ будто бы ошъ разбитія шущъ Половцевъ въ 1067 году Черниговскимъ Княземъ Святославомъ Ярославичемъ; но то самое число кургановъ находится у мѣстечка *Седнева*, стоящаго при берегахъ рѣки *Снова*, — и сѣ мѣстечко естъ дѣйствительно древній *Сновейскъ* а) потому, что ошвѣчаетъ историческому происшествію, — стоя при той

рѣкѣ, въ которой большая часть Половцевъ потонула; напрошивъ же Горѡдна отъ оной далеко; — в) что укрѣпленія Седнева и въ самыхъ остаткахъ своихъ показываютъ городское нѣкогда состоянiе, какъ напрошивъ около Горѡдни ихъ не видно; сверхъ же того извѣстно, что сей Горѡдня былъ прежде мѣстечко основанное въ Польское здѣсь уже владѣнiе. 3-е) Одинъ изъ Авшоровъ недокончанной Россiйской Исторiи, нѣкогда наставникъ моихъ уроковъ въ Гимназiи Академiи Наукъ, описывая сраженiе въ 1024 году Великаго Князя Ярослава Владимировича съ братомъ его Тмушараканскимъ Княземъ Мстиславомъ при *Лиственѣ*, — включилъ въ свое примѣчанiе: что онъ мѣста сего Листвена нигдѣ не обрѣлъ, но что должно искать его близъ Чернигова. Последнее доказывается самымъ происшествiемъ; но мы знаемъ и мѣстоположенiе не только одного Листвена, но и двухъ: одинъ малый въ вершинахъ рѣчки Бѣлоуса, а другой старый въ вершинахъ же рѣчки Рудки — оба неподалеку отъ Чернигова Ишакъ осматривая только внимательнѣе розыскавъ,

при томъ или другомъ было сраженіе. 4-е) Въ картахъ же подъ названіемъ *начало Россійскаго Государства* этошь Листвень поставленъ за Днѣпромъ. 5-е) Въ одномъ новомъ землеописаніи Россійскомъ здѣшнее козачье мѣстечко Сосницкаго Повѣща *Мѣна* почтено достопамятнымъ по осадѣ онаго въ 1066 году Кіевскимъ Великимъ Княземъ Изяславомъ Ярославичемъ съ братьями его; а мы знаемъ, что и сіе мѣстечко основаніе свое получило гораздо послѣ въ Польское здѣсь владѣніе.

Изъ всего сего видно, сколько мѣстныхъ испытанія и свѣденія могутъ пояснять древнюю нашу Исторію и Географію! А по моему мнѣнію ничто больше къ тому способствовать не можеть, какъ отечественныя журналы; и эта мысль точно изъяснена въ письмѣ вашемъ ко мнѣ М. Г. м. что тожь самое было побудительною причиною для васъ къ изданію Украинскаго Вѣстника, — т. е. дабы открывъ поприще и средства изыскательнымъ умамъ — здѣлашь извѣстнѣйшимъ состояніе сего края въ древности. Весьмабы желательно было, чтобъ Харьковъ

скій учебный Округ порадѣлъ наполнять вашъ Журналь свѣденіями, какія на сей предметъ случайно кому откроются — или по особенному чьему-либо старанію о изслѣдованіяхъ и изысканіяхъ. Тогда конечно можно было бы надѣяться, — что Исторія Малороссійская скорѣе объяснится и откроется, нежели какъ это было доселѣ — и обогатитъ собою самую общую Историю Россійскую. Я прошу и впредѣ позволю (*) мнѣ сообщать въ вашъ Журналь все то, что я найду вѣроятія достойнымъ въ открытіяхъ древнихъ произшествій. А между тѣмъ примите мое увѣреніе въ истинномъ моемъ почтеніи къ вамъ и усердномъ желаніи быть и проч.

Михайло Марковъ.

Іюня 13 дня
1816 года,
Черниговъ.

(*) Позволять не смѣю, — а могу просить только, — дабы нашъ Журналь былъ украшаемъ открытіями о древностяхъ сего края и другими занятіями глубокаго и наблюдательнаго ума. Издат. Ф — й.

*Замѣчаніе на статью о Малороссіи,
помѣщенную во 2й и 3й книжкахъ
Украинскаго Вѣстника.*

Прочитывая въ Украинскомъ Вѣстникѣ весьма занимательную статью о Малороссіи я любовался тѣмъ, — что состояніе оной до настоящаго времени описано тамъ сокращенно, ясно и весьма доспачно для свѣденія о главныхъ въ ней произшествіяхъ. При всемъ томъ полагаю достойнымъ любопытства всякому любителю Отечественной Исторіи знать и о томъ, — на какихъ доказательствахъ основался почтенный Авторъ вышеупомянутой статьи:,, что Польское правительство, по присоединеніи къ своему единовластію въ 1570 (1569) году Литвы съ тѣми изъ Россійскихъ областей кои отторгнуты отъ Россіи 1320 Великимъ Княземъ Литовскимъ Гедиминомъ, — Волынскую и Луцкую изъ сихъ областей съ Подоліею и Полѣсьемъ причислило къ малой Польшѣ, а Кіевъ съ его округомъ и другіе города на правой сторонѣ Днѣпра наименовало Малою Россіею, — на

лѣвой же Украиною., Доказательство на
это, естли оно неоспоримо и не подвер-
жено сомнѣію, по истинѣ весьма важно
для Малороссійской исторіи: ибо безъ
него, пока названіе Малой Россіи не ста-
ло быть извѣстно съ половины 17 столѣ-
тія въ Россійскихъ природныхъ актахъ, со-
вѣтъ не на чемъ утвердиться, — чтобы
сіе названіе до того было употребляемо
въ другомъ смыслѣ—нежели какъ по при-
личію только онаго такой странѣ Госу-
дарства, которая въ маломъ простран-
ствѣ отторгнута отъ цѣлаго міла сво-
его подъ чуждую зависимость. Сіе мнѣніе
можно основать и на извѣстіяхъ Византій-
скихъ историковъ собранныхъ покойнымъ
Г. Спритшеромъ, — гдѣ видно, что
Греки еще въ половинѣ 15 столѣтія мѣмъ
отторженнымъ отъ Россіи областямъ
такое названіе давали. Одинъ историкъ
Греческій, жившій въ то самое время и пи-
савшій о Іерархіи Россійской, упоминалъ
уже Малороссію,—означая въ ней Эпархіи
Галицкую, Владимирскую, Перемышльскую,
Луцкую, Туровскую, Холмскую и Смо-
ленскую, — сопричисляя Черниговскую

мо тогдашнему распоряженію церьквей къ просто-Россійскимъ. Слѣдовательно онъ почти всѣ нѣ области, которыя чрезъ руки Липовцевъ достались Полякамъ, называлъ Малороссією еще во время обладанія ими отъ первыхъ. Но чтобъ Поляки употребляли сіе названіе; то сколько я ни видалъ грамотъ Польскихъ Королей отъ самаго времени соединенія Липвы съ Польшею и сколько ни читалъ ихъ разныхъ конституцій, — ни гдѣ не встрѣчалъ онаго, равно какъ ни въ лѣтописяхъ ихъ ни въ землеописаніяхъ. Почему заключаю, что Поляки вышеозначенныя всѣ наши области называли вообще просто Русью, а частно по воеводствамъ. Я имѣю одну Польскую книгу печатанную 1728 года во Львовѣ — сочиненіе Езуита Каспера Несецкаго, гдѣ включены всѣ распоряженія Королей Польскихъ о нашихъ областяхъ имъ достававшихся: въ ней значится, что на правой сторонѣ Днѣпра въ 15 столѣтіи учреждены воеводства Руское и Подольское, — первое учреждено уже вторично послѣ распоряженія онемъ въ 1342 году, такъ какъ составившія оное

наши княжества Галицкое, Перемышльское, Белжское и Холмское достались Полякамъ еще около того времени; въ 16 столѣтїи, по присоединенїи Литвы къ Польшѣ,— учреждены воеводства Кїевское, Волынское, Подляжское и Брацлавское; въ 17 на лѣвой сторонѣ Днѣпра Черниговское. Далѣе говорится вообще о Польскомъ Королевствѣ, что оно заключаетъ въ себѣ шесть провинцій: Великопольскую, Малопольскую, Прускую, Мазовецкую, Рускую и Литовскую, — которыя опять раздѣляются на воеводства. Сїи провинціи описаны и въ меньшемъ пространствѣ, и въ обширнѣйшемъ: въ первомъ описанїи касательно Руской, — что она имѣла въ себѣ семь воеводствъ Кїевское, Руское, Волынское, Подольское, Подляжское, Брацлавское и Черниговское, — въ другомъ, что Руская провинція со всѣми своими воеводствами соприсчислялась къ провинціи Малопольской. Слѣдовательно и тутъ не видно, — чтобъ Поляки, копорымъ нибудь нашимъ областямъ подъ ихъ зависимостїю бывшимъ, давали названїе Малороссїи. Мы названїе сіе находимъ у нихъ уже

послѣ того времени, какъ извѣстный славный Гетманъ Украинскихъ и Запорожскихъ Козаковъ Богданъ Хмѣльницкій рѣшился свергнуть съ себя и съ нихъ иго Польши и въ Универсалѣ своемъ къ нимъ въ 1648 году писанномъ, возбуждая къ поголовному ополченію и призывая подѣ Бѣлую церковь, — земли ихъ называлъ Украиной Малороссійскою и ихъ также народомъ Малороссійскимъ. Онъ же, ища покровительства Царя Алексѣя Михайловича, по нѣсколькихъ сношеніяхъ въ 1653 году называлъ уже и Его обладателемъ Малой Россіи; а въ 1654 году и самъ Царь, по принятіи означенныхъ Козаковъ съ ихъ землями подѣ свою державу, подтвердилъ сѣ названіе и внесъ оное въ свой титулъ. Польскіе же Короли въ своихъ титулахъ никогда сего названія не употребляли, а писались просто по воеводствамъ. Такимъ образомъ кажется, — что наименованіе Малороссіи только съ сихъ поръ и стало существовать основательно и вдругъ на обѣихъ сторонахъ Днѣпра, гдѣ Козаки имѣли свои земли. Гораздо послѣ уже перешло оно на одну лѣвую сторо-

ну, — когда Польшѣ уступлены были въ 1667 году почти всѣ области на правой и когда тамъ названіе сіе исчезло кромѣ Кіева, которой Россія удержала на всегда за собою съ его округомъ между рѣкъ Ирпени и Стугны и гдѣ также названіе Малороссіи до нашихъ дней сохранилось. Но Поляки или совсѣмъ не употребляли сего названія, или естли и употребляли, — такъ съ сихъ только поръ и то въ отношеніи къ одной лѣвой сторонѣ. Да и сію сторону по большей части называли они *Сѣверскими* народами по древнему Славянскому племени, которое подъ симъ названіемъ съ половины пятаго или шестаго столѣтія обитало при рѣкахъ Деснѣ, Сеймѣ и Сулѣ.

Что касается до Украйны, будто бы Поляки оною назвали города на лѣвой сторонѣ Днѣпра съ 1570 года также, какъ и на правой сторонѣ Малороссіею; то противъ сего я имѣю старый атласъ Польскій того самаго времени, какъ Литва и ея завоеванныя земли были въ соединеніи съ Польшею, — печатанный на Нѣмецкомъ языкѣ въ Аусбургѣ и ссуженный мнѣ

на время однимъ добрымъ моимъ почтеннымъ другомъ С. В. С—Б, котораго имя вношу здѣсь изъ благодарности; потому что эта книжка много споспѣшествуетъ моимъ занятіямъ въ изслѣдованіяхъ о прежнемъ состояніи здѣшняго края. Итакъ въ семь япласѣ значитъ: что Украиной называлась не одна лѣвая сторона Днѣпра, но и правая, — гдѣ только жили Козаки; и на картѣ имянно обѣ сїи части названы вообще *Украиной* или *Козацкими землями*. Извѣстно, — что Козаки Малороссійскіе начало свое воспріяли около 16 столѣтія отъ Россійскихъ переселенцевъ къ нижнимъ странамъ Днѣпра и къ рѣкамъ Бугу и Днѣстру, которые переводимы были туда изъ бывшихъ подъ властію Литвы и Польши нашихъ областей; и которыхъ Поляки заставляли занимать тушь пустыя и разоренныя мѣста съ тѣмъ, дабы они нѣкоторымъ образомъ прикрывали ихъ границы. Изъ сихъ то переведенцевъ одинъ Овручскій уроженецъ Дашкевичъ составилъ охотное конное войско до 6000 человекъ подъ названіемъ *Козаковъ*. Это было еще преж-

де Гетмана у нихъ Пренслава Ланскоронскаго, въ 1506 году опредѣленнаго опъ Поляковъ, — которые, находя въ нихъ защиту своимъ областямъ опъ набѣговъ Крымскихъ и Бугжацкихъ Татаръ, спарались войско сѣ размножить и снабдить разными выгодами. Поляки давно уже дали имъ въ собственность особыя земли въ Кіевскомъ и Брацлавскомъ воеводствахъ; а въ 1516 году многія и налѣвой сторонѣ Днѣпра. Почему и кажется что названіе Украйны могло произойти само по себѣ тогда, какъ показались Козачьи селенія въ пустыхъ мѣстахъ *у края* Государства, — безъ всякихъ о томъ актныхъ распоряженій. Козаки еще около 1580 года разпространились на лѣвой сторонѣ Днѣпра до Переяславля; послѣ же въ 1625 году до Чернигова и Стародуба. Ихъ называли иногда Украинскими по первоначальнымъ селеніямъ; но мѣста послѣ бывшихъ ихъ жилищъ и гораздо выше прежнихъ ни когда оною Украйною опъ Польши не именовались. Напротивъ изъ того же вышеупомянутаго стараго атласа видно: что какъ Украйна Козаковъ,

такъ и всѣ земли отъ вершинъ рѣки Буга въ Вислу впадающей и верстѣ болѣе нежели на полпораста отъ лѣвыхъ береговъ Днѣпра къ востоку и къ сѣверу, на правой же сторонѣ сей рѣки гораздо выше Кіева, а на лѣвой до самой рѣки Оспра въ Десну втекающей — все сіе пространство, пока Козаки не свергли съ себя власть Польши, носило названіе *Волыніи* съ опличеніемъ только Украины прилагательнымъ именемъ *нижней* Волыніи. Впрочемъ, поелику я сего нигдѣ болѣе не начитывалъ, кромѣ апласа; то и не оставляю стараться отыскивать доказательствъ на то вѣрнѣйшихъ и полнѣйшихъ. Но что названіе Украины принадлежало не одной только лѣвой сторонѣ Днѣпра, а обѣимъ вмѣстѣ, — гдѣ жили прежде Козаки; то это неоспоримо и по тому еще: когда они съ 1665 года по большей части стали имѣть въ одно время двухъ Гетмановъ на той и на другой сторонѣ Днѣпра, и изъ нихъ на правой по большей части были возмущители преданные Польшѣ; то они какъ сами назывались, такъ и называли ихъ одного

Гетлианомъ Украйны Польской, а друга-
го Украйны Руской,—либо Украйны той
и другой стороны. М. Марковъ.

О п ы т ь

по двумъ способамъ (аналитиче-
скому и синтетическому) судить
и оцѣнивать по достоинству эсте-
тической произведенія какъ древ-
нихъ, такъ и новыхъ Стихотвор-
цевъ (*).

Предмѣтъ моего чтенія будетъ зак-
лючаться въ сравненіи Горация съ нашими
Державиными (**), въ ихъ Лирическихъ
стихотвореніяхъ. — Этомъ предмѣтъ
сколько прекрасенъ, столько обширенъ и
не менѣе того труденъ. — Кому извѣ-
стно имя Флакково не потому только,

(*) Пробная лекція на заданное предложеніе отъ
Словеснаго Отдѣленія при Харьковскомъ Универ-
ситетѣ, читанная по случаю Магистерскаго
экзамена.

(**) И сей Геній Поэзіи, слава вѣка Екатерины
оплещѣлъ уже опселѣ въ вѣчность. Пр. соч.

что оно почти двѣ тысячи лѣтъ непрерывно повторяется во всѣхъ націяхъ всѣми учеными, — а кто самъ слыхаль шонъ лиры Гораціевой; кто такъ же не изъ одного унизительнаго для человѣка съ умомъ подражанія швердиль имя Державина, — но самъ и какъ папріошъ, и какъ человѣкъ съ чувствомъ эстетическимъ бываль восторженъ его сочиненіями: шотъ, смѣло ушверждаю, позавидуетъ моему щастію — говоритъ о такомъ предмѣшѣ. Но шотъ же шотчасъ почувствуешь и всю обширность, всю шрудность предпринимаемаго мною дѣла. Онъ вообразить меня перенесеннымъ въ мѣръ волшебный, или идеальной, или рай земный, — гдѣ повелѣвается мнѣ разсмотрѣть и описать: всѣ сокровища мѣра нами обитаемаго, всѣ красоты природы для насъ Всемогушимъ устроенной, всѣ совершенства — кои премудрость вѣчная благоволила намъ ошкрыть въ своемъ твореніи. — Ключи Потопійскаго злаша и серебра не въ рудахъ, а въ чистыхъ струяхъ протекають съ одной стороны; рѣдчайшіе камни Бразиліи и Голхонды блещуть и горятъ всѣми радужными цвѣ-

тами съ другой; тамъ всѣ роды наилучшихъ пшницъ, оспоривая цвѣты у существъ безжизненныхъ, плѣняють пѣніемъ; тамъ растѣнія, не уступая тѣмъ и другимъ цвѣтами, привлекають еще благоуханіемъ; тамъ рощи — украшенныя всѣми принадлежностями блаженства; тамъ долины — всѣ желанія побѣждающія; тамъ горы — величавѣ самаго величія; тамъ море, — въ коемъ купаются лучи зари утренней или вечерней, отражающіяся и текутъ звѣзды и планеты ночи, движущаяся и струящая корабли, плещущія рыбы и обитатели глубины его; тамъ всѣ роды прекраснѣйшихъ живописныхъ по пухомъ, по пестротѣ, по бѣлизнѣ, по стройности, по проворству, по ласкѣ восхищаютъ; тамъ величавый властелинъ природы таковъ, какъ только вышелъ изъ рукъ Всемогущаго; тамъ съ нимъ объ руку соединеніе всѣхъ прелестей, всего прекраснѣйшаго въ мірѣ, душа и жизнь всѣхъ приятностей — его подруга. И по сему слабому обозрѣнію кто бы не представилъ себѣ, — каковы должны быть силы того, кому повелѣваешься

обозрѣшь и описашь столько предмѣтовъ, столько совершенства! Но это сравненіе, мнѣ кажется, ни мало не увеличено или ни мало не превышаетъ трудности и обширности предпринимаемаго мною дѣла: Геній, говорятъ, есть всемогущъ въ своемъ воображеніи; чегожъ не могли произвести два величайшихъ во вселенной Генія — Горацій и Державинъ?

Пораженный такою обширностію и величіемъ предмѣта я не долженъ быть столь дерзокъ, что бы надѣясь на свои силы приняться за обозрѣніе обоихъ Стихотворцевъ во всѣхъ ихъ сочиненіяхъ лирическихъ; нѣтъ, я выберу двѣ только оды изъ сихъ великихъ Пѣснопѣвцевъ — оды, которыя бы признаны были большею частію эстетиковъ — ученыхъ наилучшими, которыя бы имѣли одно содержаніе — одну цѣль, — и въ нихъ буду дѣлать сравненіе. Много ихъ встрѣчаю; но не нахожу лучше изъ Горація оды 24-й 1-й книги къ *Виргилію*, — изъ Державина 25-й 1-й части къ *Перфильеву*. Ода Гораціева столь отдѣлана совершенно, что Іосифъ Скалигеръ знаменитѣйшій въ вѣкѣ возрожденія наукъ

Литераторъ разбирая критически ее воскликнулъ: *если бы мнѣ предложили быть Королемъ Аррагоніи, или написать сію оду, — съ величайшимъ стремленіемъ я выбралъ бы послѣднее.* Достоинство оды Державина, надѣюсь, всякой такъ же изъ насъ чувствуетъ — какъ Руской. — Предмѣтъ въ обоихъ совершенно одинаковъ: *Виргилій сѣпуетъ о смерти Квинтилія, Перфильевъ о смерти Мещерскаго — друзей своихъ; Горацій утѣшаетъ Виргилія, Державинъ Перфильева.* Тѣ, кои къ стыду ихъ неумѣстной гордости не знаютъ и имени Державина, — тѣ конечно или удивятся такому сравненію, или скажутъ: чтожъ тутъ великаго, что Державинъ списалъ или подражалъ Горацію? Мы покрайнѣй мѣрѣ будемъ имѣть честь видѣть обоихъ Стихотворцевъ, какъ они сами въ себѣ суть; увидимъ, кто кому подражалъ? какъ? и кто кого превзошелъ? — Для большаго безпристрастія намѣренъ я употребить здѣсь два способа предложенные моимъ наставникомъ и образователемъ въ его

сочиненій *Грамматика критики* (*) — способъ *синтетическій* и *аналитическій*. Употреба ихъ нельзя кажется льстишь, нельзя обманывать, обмануться; они суть или вѣрное зеркало, или ясной покровъ воды, — въ которой все только то изображается, что приближаемъ къ нему и таково точно, каково само въ себѣ.

Что же такое значить разбирать или судить *синтетически*? — *Синтетически* разбирать значить: смотрѣть вдругъ на все цѣлое, отдѣлять потомъ отъ него часть за частью, раздроблять далѣе сѣ части и доходить наконецъ до малѣйшихъ подробностей для того, — чтобы видѣть: какъ *сѣ подробности* и какое *составляютъ цѣлое*? — *Аналитически* разбирать значить: наоборотъ брать малѣйшія подробности, разсматривать ихъ, соединять съ большими, съ большими и наконецъ доходить до цѣлаго также: чтобы видѣть, каково *сѣ цѣлое*? — Что къ намъ ближе, что

(*) Сочиненіе еще ненапечатанное, но отъ появленія котораго въ свѣтъ можно ожидать великихъ пользъ для нашей словесности. Примѣч. Соч.

намъ извѣстнѣе; но мы можемъ обнять вдругъ. Напротивъ что удаленнѣе отъ насъ, на что требуется вниманія и свѣденій постороннихъ; но мы разбираемъ и узнаемъ мало по малу. Такимъ образомъ употребимъ для Державина, какъ нашего и слѣдовательно извѣстнѣйшаго писателя, способъ *синтетическій*; для Горация, — какъ и временемъ, и языкомъ, и даже несколько самыми предметами въ его стихотвореніяхъ удаленнаго отъ насъ, *аналитическій*.

Quis desiderio sit pudor aut modus — et caet.

Hor. od. XXIV. lib. I.

Глаголь времянь, мешалла звонь -- и проч.

Держ. од. 25 част. 1 я.

По прочтеніи Горациевой оды первой родится вопросъ: что суть въ ней малѣйшія подробности или основныя части? Это слова; и такъ первый руководитель нашъ въ семъ аналитическомъ разборѣ должна быть Грамматика. Позабудемъ на время смыслъ оды, представимъ себя только понимающими одно значеніе словъ; сіе значеніе доведетъ насъ до смысла въ періодахъ или отдѣленіяхъ; смыслъ пері-

одовъ откроеть намъ, что хотѣлъ Стихотворецъ сказать во всемъ сочиненіи, или мы узнаемъ цѣль его — цѣлое сочиненіе, — чтобъ послѣ судить намъ какъ по Логикѣ о справедливости періодовъ и ихъ сцѣпленіи, такъ по Риторикѣ о выразительности мыслей, такъ наконецъ по Эснетикѣ о приличіи и вкусу въ мысляхъ. —

Quis desiderio sit pudor aut modus
Tam chari capitis? praecipe lugubres
Cantus, Melpomene, cui liquidam Pater
Vocem cum cithara dedit.

Кто понимаетъ сіи Латинскія строки; тотъ видитъ, что въ сихъ четырехъ кончится смыслъ. Пропускаю Грамматическій разборъ: онъ скученъ, да и состоятъ долженъ только въ томъ, — что бы узнать по порядку всѣ слова, начиная съ *quis*: какая часть рѣчи, какое имѣетъ измѣненіе въ окончаніи, съ чѣмъ согласено, чѣмъ управляетъ, управляется, что значить по Руски — и тому подобное; представимъ, какъ будто все сіе уже разобрано и мы понимаемъ, — что просто можно бы сказать было вмѣсто четырехъ

строкъ сїи только слова: *lamentationis modum sola Melpomene potest docere*, — что и составитъ простое Логическое предложеніе вышеприведенныхъ стиховъ.

Ergo Quintilium perpetuus sopor

Urget?

будучи приведено въ Логическое предложеніе значить: *Quintilius est mortuus*.

— Cui Pudor et Justitiae soror

Incorrupta Fides, nudaque Veritas

Quando ullum invenient parem?

изъ сего простое предложеніе: *ille fuit multa virtute praeditus*.

Multis ille bonis flebilis occidit;

Nulli flebilior, quam tidi, Virgili.—

въ сихъ двухъ стихахъ безъ украшенія смыслъ: *multi dolent boni illum mortuum, dolor tuus omnium dolerem superat*.

Tu frustra pius (heu!) non ita creditum

Poscis Quintilium deos.

а въ этихъ двухъ: *tu perperam deos oras, ut nunquam moriatur Quintilius, cui ad tempus vita erat commissa*.

Quod si Threicio blandius Orpheo

Auditam moderere arboribus fidem;

Non vanae redeat sanguis imagini,

Quam virga semel horrida
Non lenis precibus fata recludere
Nigro compulerit Mercurius gregi.

всѣ сїи шесть стиховъ заключаютъ въ себѣ смыслъ Логическій: *quamvis Poëta sis optimus; nequaquam tamen revocaveris animum ab inferis, ubi ille clausus tenetur.* инаконецъ:

Durum! sed levius sit patientia,

Quidquid, corrigere est nefas.

просто значить почти тоже: *gravis jactura nobis contigit; irreparabile tamen nullomodo potest refici, ne quidem, nisi per patientiam levare.* —

Итакъ cadaго пункта или опредѣленія смыслъ намъ извѣстенъ въ особенно-сти. Дѣло Грамматики было бы теперь разсмотрѣть: всѣ ли слова употребительны? всѣ ли стоятъ на своемъ мѣстѣ? шакія ли, какъ должно, здѣланы въ нихъ измѣненія? нѣтъ ли ошибокъ противъ общихъ правилъ словосочиненія? — Но въ этомъ намъ, смѣю сказать, отказано: ибо Авторъ нами разбираемый служилъ образцемъ или примѣромъ для составленія грамматическихъ правилъ новѣйшимъ литераторамъ; а потому можно ли осуж-

дать — или не принимать чегонибудь въ томъ, что всё почти примѣромъ, образцемъ, — не опровергая самыхъ правилъ, по которымъ мы судить будемъ? И это истинно: кто бы что ни говорилъ; а древнихъ Авторовъ въ языкахъ для насъ мертвыхъ уже мы не можемъ разбирать по нашимъ правиламъ, большею частію основаннымъ на употребленіи — собственномъ пиранѣ. При всемъ моемъ уваженіи къ знаніямъ обширнѣйшимъ, къ уму глубокому, къ трудамъ едва преодолимымъ, — при всемъ говорю уваженіи къ Германскому Квинтиллиану Гейне — я не могу согласиться на то, чтобъ онъ могъ найти ошибки противъ языка въ *Виргиліѣ*, — а тѣмъ больше, чтобъ зналъ опличить въ *Виргиліѣ* не *Виргиліевы* слова. Смѣло представляю себя — перемѣнить слова въ какомънибудь сочиненіи Ломоносова или Державина, которое бы не было еще извѣстно свѣту; — и пусть всё наши Литераторы, славные знаніемъ Рускаго языка, найдутъ перемѣнныя мною слова; — надѣюсь, что они не успѣютъ въ этомъ. А чтобъ Гейне лучше зналъ Лашинскій

языкъ, нежели всѣ наши Литераторы Рускій; въ этомъ опять позволяю себѣ сомнѣваться. — Почемужь, спросятъ, оплечаемъ мы Авторевъ древнихъ перваго разряда или золотого вѣка отъ Авторевъ низшихъ или посредственныхныхъ? — По времени, отвѣчаю, въ которое писали они: ибо золотый вѣкъ Литературы на пр. Латинской окруженъ извѣстнымъ временемъ; по отзывамъ древнихъ о древнихъ же: ибо Варіа, отъ сочиненій котораго не имѣемъ ни строчки, также Горшензіа — одного почитаемъ однакожь и должны почестъ славнымъ Поэтомъ, другаго Ораторомъ, — когда такъ о нихъ свидѣтельствуютъ Горацій и Цицеронъ; по сравненію слога: ибо сличая Горація, Виргилія, Катутла, Овидія въ стихахъ, — Цицерона, Непота, Ливія, Саллюстія въ прозѣ — находимъ, — что они имѣютъ одинаковый слогъ — говорю о внѣшности его или видоизмѣненіи, а не о смыслѣ происходящемъ отъ слога; — а потому, естли начитываемъ въ какомъ нибудь авторѣ Латинскомъ слово, или измѣненіе окончанія его, или управ-

леніе такое, — какого нѣтъ въ вышеприведенныхъ мною Авторяхъ; но и утверждаемъ: это *барбаризмъ* или ошибка прошивъ употребленія золотого вѣка, это *солецизмъ* или неправильность въ сочиненіи. Но это же самое сказать незнаю можемъ ли, — хотя бы и встрѣтили напримѣръ въ Гораціѣ то, чего нѣтъ — или не таково оно въ *Виргиліѣ*. —

Теперь я обращаюсь къ смыслу всей Гораціевой оды. Справедливость мыслей не подвержена своенравію времени, употребленія; а потому въ семь отношеній для насъ равны какъ древніе писатели, такъ и новые, — какъ свои, такъ и чужіе. Правила *Логики* суть общій мѣтабъ для всѣхъ вѣковъ, для всѣхъ народовъ. — Прочтемъ весь смыслъ оды къ *Виргилію*: *Lamentationis modum sola Melpomene potest docere. Quintilius est mortuus; ille fuit multa virtute praeditus. Multi dolent bonum eum mortuum; dolor tuus omnium dolorem superat. Tu perperam deos oras, ut nunquam moriatur Quintilius, cui ad tempus vita erat commissa. Quamvis Poëta sis optimus; nequaquam tamen revocaveris animum ab inferis, ubi*

ille clausus tenetur. Gravis jactura nobis contigit; irreparabile tamen nullomodo potest refici, ne quidem nisi per patientiam levare. —

Сперва непонятнымъ кажешся обращеніе Поэта къ Музѣ Мельпоменѣ, какъ будто бы оспариваль кто нибудь его и говорилъ: нѣтъ, надобно имѣть мѣру въ сѣшваніи и даже приличіе! — Правда ли это? и кто его противники? Правда, Поэтъ имѣлъ ихъ и они были — Философы Стоической Секты: люди сїи все подчиняли самымъ строгимъ законамъ. Сенека одинъ изъ нихъ говоритъ: *est aliquis et dolendi decor; hic sapienti servandus est et quemadmodum in caeteris rebus, ita et in lacrimis aliquid sat est.* Вотъ противъ чего возстаютъ Гораций въ началѣ утѣшенія своего къ сѣтующему Виргилію и вотъ почему говоритъ: не Философамъ, но Музѣ Мельпоменѣ дано быть законодательницею при изліянїи горестныхъ чувствъ. А что Философы были несправедливы съ своею строгостію и созидали себѣ *идеальнаго* мудреца; то доказываетъ и Цицеронъ величайшій изъ нихъ въ Разговорѣ своемъ о Дружествѣ: *negant virum bonum,*

nisi sapientem esse. Sit ita sane, sed eam interpretantur sapientiam, quam adhuc mortalis nemo est consecutus. —

Итакъ мы видимъ Логическую причину обращенія въ первыхъ стихахъ разбираемой нами оды. Далѣе отъ перваго періода переходъ къ другому такъ же по видимому довольно труденъ: что Мельпомена должна показывать мѣру въ сѣшваніи; но слѣдовательно Квиншилій умеръ уже! — Сего перехода оправдать никакъ было бы не возможно, если бы для стихотворцевъ не существовало замѣчаніе: что въ ихъ твореніяхъ часто Логическое намъ не нравится; и напротивъ совершенно безсвязное — но употребленное съ особенною цѣлью — производитъ въ насъ удовольствіе.-- Неужелижъ, скажутъ, можно допустить такую нашу своенравность? — Должно по необходимости: ибо источникъ ея — есть наше сердце, — а раздоръ съ нимъ уничтожилъ бы всѣ почти эстетическія произведенія; поелику до сихъ поръ первое основаніе во всѣхъ эстетическихъ чувствованіяхъ, а слѣдовательно и законъ при ихъ изображеніи было: *это нра-*

вится. При томъ же сія своенравность имѣетъ причину: такъ на примѣръ здѣсь Горацій представляетъ себя совершенно участвующимъ въ печали Virgilія, разстроганнымъ, смущеннымъ горестію; когдажъ видали мы, что бы человѣкъ въ подобномъ случаѣ могъ умствовать, связывать со всею строгостію по Логикѣ мысли свои и выводить ихъ одну изъ другой? — Представимъ себѣ мать въ минушу лишенія любимой ею дочери: что она говоритъ? не обвиняетъ ли въ одну и ту же минушу себя? не оправдывается ли предъ окружающими, что она невинна въ смерти дѣтища своего? не проклинаетъ ли судьбу свою? не прибѣгаетъ ли къ Промыслу? не говоритъ ли, что это Ему такъ угодно, а слѣдовательно и для нея полезно случилось? не впадаетъ ли опять въ отчаяніе и помышляетъ, что это есть наказаніе Божіе, — что Богъ забылъ ее? И за все это не только мы извиняемъ ее, — а еще въ семь — то и видимъ любящую мать; но что же бы мы заключили объ ней, еслибы тогда она представилась намъ спокойною, умною? — Поэтъ дол-

жень изображать подобные случаи: страсти и страсти сильнѣйшія суть его сфера дѣйствія, а не сфера Философа — Логика; — а потому и кажущаяся свое-
нравность наша при одобреніи столь не
связно описанныхъ мыслей — не есть
своенравность; а слѣдовательно и пере-
ходъ вышеприведенный мною въ Гораціе-
вой одѣ — не есть ошибка Поэта.

Далѣе въ одѣ соблюдена спрожайшая
Логика; но такъ, что почти нигдѣ она
непримѣтна. Это опять съ цѣлю: если
бы Горацій обнаружилъ ее, — Virgilій и
мы укоряли бы его холодностію; еслижъ
бы не употребилъ ее, — то недостигъ
бы предположенной цѣли: ибо какъ дѣло
Поэта есть возбуждать страсти, — такъ
точно дѣло Логика и Философа ихъ
укрощать; — а Горацій предположилъ,
какъ мы увидимъ, умирить печаль друга
своего и слѣдовательно, не перестая быть
Поэтомъ, долженъ былъ сдѣлаться Фило-
софомъ. Какимъ же образомъ достигъ онъ
цѣли своей? — Примѣрнымъ: онъ сперва
просто участвуетъ съ Virgilіемъ въ
смерти друга его Квинтилія; за симъ

естественно должны мы знать, кто таковъ Квинтилій? заслуживаетъ ли, чтобы о немъ столь сильно сѣтовали? И Горацій коротко представляетъ его добродѣтельнѣйшимъ человѣкомъ, другомъ Virgilію, — а слѣдовательно не логически ли послѣ того сказано: *multis ille bonis flebilis occidit, nilli flebilior, quam tibi?* — До сихъ поръ Поэтъ исполнилъ свою обязанность: онъ показался разстроганнымъ, и хваля и соглашаясь съ Virgilіемъ приобрьлъ его довѣренность къ себѣ; ибо въ случаяхъ печали и несчастія потъ отецъ и величайшій другъ намъ, къ коему мы расположены уже и охотно слушаемся, — кто согласится обратиться на насъ вниманіе и раздѣлить съ нами горестъ нашу! Когда Горацій расположилъ къ себѣ Virgilію; то превращается въ Философа и доказательствами не большими, — но сильными заставляеъ друга умирить горестъ свою. Онъ говоритъ ему: ты справедливо плачешь о смерти Квинтилія; но горестъ твоя должна имѣть предѣлы. Почему? — должно ли продолжать то дѣлать, что бесполезно намъ? Конеч-

но нѣтъ; но ты продолжаешь. Такимъ ли
созданъ Квинтилій, что бы ему никогда
не умирать? а ты просишь боговъ о сей
невозможности! Можно ли, что бы кто ни-
будь, оставя сей свѣтъ, опять въ него
возвратился? а ты воплемъ своимъ ду-
маешь преодолѣть естества устави! —
И въ подтвержденіе сей строгой истинны
приводишь съ намѣреніемъ Орфея, — ко-
торый Виргилію, какъ Поэту, извѣстенъ
былъ своимъ Геніемъ, — Виргилій зналъ,
какъ любили боги супруга Эвридики;
повторяю — и Горацій съ намѣреніемъ
приводишь примѣръ сей, изъ котораго
видно: что судьбою положено все-
премѣняемо — не возвращаться никому
отшолѣ въ свѣтъ сей. Повидимому боги
сами нарушили уставъ сей, позволивъ
Орфею вывести Эвридику изъ ада; но въ
самомъ дѣлѣ они свято его сохранили:
ибо что значить позволеніе подъ невоз-
можнымъ условіемъ, какъ не отказъ? —
А будто есть возможность супругу во
всемъ смыслѣ любви лкбющему подругу
свою, — супругу, какіе не только нынѣ ш. е.
во время Горація, но и въ злые вѣки

были не часно — будто есть возможность такому супругу послѣ долгой разстани съ половиною себя итти вмѣстѣ съ нею и не взглянуть на нее?! При томъ же и Меркурій, по баснословію, ласковъ шолько и хитръ на землѣ; а подъ землею — шамъ онъ неумолимъ, непреклоненъ! — Въ самомъ дѣлѣ очень сильны, хотя и не велики доказательства Горація! И если бы Виргилій не былъ разстроенный горестію чловѣкъ; то казалось бы довольно ихъ было къ тому, чтобъ заставить его умѣрить печаль свою. Но Виргилій не способенъ еще скоро понять важность доводовъ; Горацій знаетъ это — и потому оканчиваетъ послѣднюю мысль, какъ Поэтъ и какъ Философъ: какъ Поэтъ опять онъ входитъ въ соучастіе печали Виргиліевой, опять съ нимъ соглашается, опять самъ разстрогивается и говоритъ — *Dignum*; — какъ Философъ — онъ выискиваетъ такое доказательство, которое бы переувѣрило самое сомнѣніе и находить его *nostrum est magnanimitèr pati ea, quae neque mutare, neque corrigere possumus!* — Противъ этого — кажется —

ни возражений, ни сомнѣній быть не можеть; развѣ въ такомъ уже человѣкѣ, который не разсуждалъ ни о прошедшемъ, ни о будущемъ, ни о причинахъ, ни о дѣйствіяхъ, словомъ: который жилъ и живетъ безъ цѣли — такъ.

Отъ словъ и смысла въ періодахъ — въ цѣломъ сочиненіи естественный переходъ долженъ быть къ выразительности, подъ руководство Реторики. Ибо для Поэта — для того, чья должность есть повелѣвать въ другихъ страстями, — мало предложить только мысли свои, привести въ порядокъ, представить ихъ истинными или убѣдительными — мало говорю сего для Поэта: онъ долженъ выразить ихъ необыкновенно, такъ какъ и каждая страсть въ его управленіи — есть не обыкновенное движеніе души. Чего же бы могла требовать отъ Поэта Реторика, или какими изъ ея правилъ могъ бы онъ воспользоваться? — Реторика требуетъ знанія троповъ, метафоръ, фигуръ въ словахъ и самыхъ мнѣніяхъ, полноты и ясности въ періодахъ, изобрѣшенія доводовъ и размѣщенія ихъ согла-

сно съ цѣлю возбуждать или укрощать страсти, сравненій, уподобленій, — вошь чѣмъ можетъ пользоваться Поэтъ въ своемъ твореніи. Неоспоримо, что всякое изъ сихъ свойствъ Реторики превращено уже въ правило; но Поэтъ не связанъ сими правилами: на его совершенный произволь оставляется употребить толь или другой тропъ, фигуру, сравненіе — даже создать новое что нибудь изъ сихъ. И если бы кто рабскій началъ по правиламъ Реторики сочинять — подбирать метафоры, синонимы, эпитеты и въ этомъ — то подборъ только составлялъ знаніе сочинять; того бы обыкновенно величали *ученикомъ, ледантомъ*. Кажется надобно для возбужденія страстей, что бы не писатель искалъ украшеній Реторическихъ для своихъ мыслей; а сїи украшенія сами представлялись выражать мысли его и превращаться потомъ въ правила. Выисканное краснорѣчіе обыкновенно означаетъ принужденность чувствъ. Самые величайшіе Поэты, когда не сами разстрогивались предметомъ, а хотѣли отъ нихъ другіе сочиненія, —

самые величайшіе Поэты доказываютъ сіе въ нѣкоторыхъ изъ произведеній своихъ: отецъ нашего краснорѣчія и законодатель Парнасса Ломоносовъ оставилъ намъ до 20 похвальныхъ одъ; всѣ онѣ прекрасны — отдѣльно взятыя. — Но признаюсь ни одна изъ нихъ не поражаетъ меня столько, какъ два его *размышленія* о *Божіемъ величїи*; ни въ одной изъ пѣхъ не нахожу я столько безсмертнаго, всеобъемлющаго Генія, — сколько въ послѣднихъ. Тамъ удивляюсь искусству и въ нѣкоторыхъ, хотя многихъ мѣстахъ, чувствую; здѣсь благоговѣю при каждой мысли предъ величіемъ Божїимъ, проливаю слезы молитвы и умиленія читая:

Творецъ! покрытому мнѣ тьмою

Прости премудрости лучи; —

И что угодно предъ Тобою,

Всегда твориши научи, —

И, на твою взирая тварь,

Хвалишь Тебя безсмертный Царь!

У самаго Державина, о коемъ буду имѣть честь говорить, есть оды, — которыя отзываются принужденіемъ, въ которыхъ видно — что ихъ *ждали*

что онъ писалъ ихъ *ко времени*. Горацій только одинъ кажется или не былъ подверженъ сему принужденію, или имѣлъ искусство сокрыть его отъ читателей. Сколько одъ посвящено имъ на похвалу Августа и Мецената! гдѣ не примѣшивается онъ похвалы сей?! Но сила его искусства такъ велика, что онъ и Виргилій — двое только спорятъ со всѣми писателями на щотъ Августовыхъ достоинствъ; и при всѣхъ усиліяхъ кририки — судъ надъ симъ обладателемъ древней вселенной не рѣшенъ еще. Пройдутъ вѣки, многіе изъ хулителей его преданы будутъ забвенію; а Горація и Виргилія все станутъ читать все станутъ спрашивать: правдали, что Августъ не таковъ былъ, какъ представляють его сіи два великіе Поэта? —

По краткомъ изчисленіи правилъ Реторики возвращаюсь къ своему предмету — къ одѣ Горація. Она написана патетически, какъ требовало дѣло Поэта: съ перваго стиха начинается онъ вопрошеніемъ; оно вмѣстѣ сильно выражаетъ и негодованіе на суровость стоическихъ требованій: *Quis desiderio sit pudor*

aut modus tam chrari capitis? Синонимъ *modus* увеличиваетъ силу *rudor*, коего значеніе меньше. Здѣсь я къ спашу осмѣливаюсь припомнить справедливое замѣчаніе одного изъ нашихъ Липераторовъ: что синонимъ не значить *то же* значащее; ибо бесполезно было бы повторять *то же слово*, если бы оно не составляетъ фигуры повторенія. Эпитетъ *chari* оправдываетъ цѣлую мысль: есть потери, въ сѣзованіи о коихъ безъ всякаго сомнѣнія должна быть мѣра — и очень не большая; но *chari capitis jactura*?! Какая причина тому, что здѣсь употребленъ слишкомъ вольный пропускъ *caput pro homine* — часть вмѣсто цѣлаго? Конечно не нужда въ стопѣ; а по замѣчанію нѣкоторыхъ комментаторовъ выраженіе тогдашняго времени и выраженіе сильное, — какъ на пр. и у насъ говорятъ: *пустая голова, умная голова* вмѣсто *глупой или умной человѣкъ*; и кто знакомъ съ случаями сихъ выраженій, — тотъ вѣрно знаетъ, что сѣе часть *caput* или *голова* гораздо больше значить сего *цѣлаго человѣкъ*. — Отъ вопрошенія переходитъ Поэтъ къ обращенію; да и можно

ли было, употребивъ первую мысль столь сильно выраженную, сказать просто,— чпо онъ печальные будешь писать стихи къ другу? кого же призвать онъ могъ для своего воодушевленія, какъ не Мельпомену музу? Однако же не шу, которая нынѣ по большой части бѣсится только и свирѣпствуетъ въ театрѣ; а древнюю Богиню, которая плакала и заставляла зрителей плакать — однимъ словомъ производила сожалѣнїе и соучастїе. Въ короткихъ словахъ Горацій описываетъ и свойство ея: *Cui Pater vocem liquidam cum cithara dedit*. Замѣтилъ бы я, что сло liquidam слишкомъ вольно придано къ слову vocem въ переводѣ *текущій* голосъ, или *лавкій*; но помню свое мнѣнїе, что въ этомъ намъ отказано;—и думаю liquidus не одно имѣло значенїе у древнихъ Римлянъ.

Далѣе новое вопрошенїе удивительно хорошо выражаетъ и печаль самаго Поэта, и искусство его взойти въ довѣренность къ другу сѣтующему. Онъ какъ будто сомнѣвается и самъ: неужели правда, что Квинтилій умеръ—умеръ тотъ, кому добродѣтели едвали когда-нибудь можешь найти

равнаго?—Что вмѣсто *mors* употреблено *perpetuus soror* — это можетъ быть опять особенное выраженіе времени, или можетъ быть въ этомъ хотѣлъ Поэтъ представить больше сомнѣнія, — что сей добродѣтельный человѣкъ умереть не долженъ, а развѣ уснуть на всегда. Ишакъ симъ выраженіемъ, симъ подборомъ изъ тысячи наилучшихъ добродѣтелей и совершеннѣйшихъ *pudor, justitia, fides, veritas* и наконецъ глаголомъ *occidit*, — которое употреблялось только для выраженія смерти великаго почему нибудь человѣка, какъ на нашемъ языкѣ *палъ*, — всѣмъ симъ Гораций долженъ былъ снискать довѣренность у Виргилія унывающего; — и какъ искусно, послѣ сомнѣнія о смерти Квинтилія, утвердительно говорить онъ *occidit*! Это слово должно было разстерзать друга; но сѣе противное лѣкарство подслащено похвалою: *multis bonis ille flebilis occidit*, — а еще больше приятнымъ угожденіемъ самолюбію Виргилія; ибо естли для добрыхъ Квинтилій *occidit flebilis*, — то не ужели не для добрѣйшаго изъ нихъ *flebilior*? — многіе умѣли цѣнить досто-

инства умершаго; но ты всѣхъ лучше, говоритъ Горацій, — и тѣмъ самымъ развлекаешь страсть въ Виргиліѣ, приговаряешь для истинъ совершенно противныхъ его печали. — Разположеніе сей части оправдывается самимъ слогомъ: до сихъ поръ Горацій говорилъ какъ Поэтъ, употреблялъ сильныя фигуры; теперь онъ точно превращается въ Философа—друга и съ сожалѣніемъ говоритъ: увы! напрасно ты прибѣгаешь съ жалобами къ богамъ! Въ словахъ *pius* и *poscis* незабыто приличіе: Виргилій извѣстенъ намъ, какъ человѣкъ жизни по тогдашнему строгой, — слѣдовательно и эпическѣ ему приданъ *pius*; Виргилій теперь въ унынїи, онъ какъ будто бы забываетъ свое благоговѣніе къ богамъ, — и слово *poscis* выражаетъ намъ это. *Non ita creditum*—есть камень прешкновенія для переводчиковъ на нашемъ языкѣ; ибо нельзя выразить столь кратко сего обширнаго значенія *non ita creditum*.

Изданія много не сходятся между собою въ сборищѣ мысли послѣдующей. Одни просто безъ всякаго вопрошенія ставятъ :

Quod si Threicio blandius Orheo
 Auditam moderere arboribus fidem,
 Non vanae redeat sanguis imagini,
 Quam et caet.

другіе Quid? дѣлають вопрошеніе, и
 потомъ какъ будто отвѣтствуютъ:

— — si Threicio blandius Orpheo et caet
 — — — fidem;

Non vanae redeat sanguis et caet.
 трети раздѣляютъ всю мысль на два
 вопроса:

Quid si Threicio blandius Orpheo
 Auditam moderere arboribus fidem?
 Num vanae redeat sanguis imagini,
 Quam virga semel horrida

Non lenis precibus fata recludere
 Nigro compulerit Mercurius gregi? —

Я осмѣливаюсь признать справедливѣй-
 шимъ первый оборотъ по вышеприве-
 денной причинѣ: что Гораций здѣсь убѣж-
 даетъ и укрощаетъ, а не возбуждаетъ
 уже въ Virgilіѣ страсть; и слѣдователь-
 но тонъ рѣчи приличнѣе простой, а не
 украшенный фигурою вопрошенія. Во всей
 мысли выраженіе каждаго слова обшир-
 но: представляемое сравненіе даетъ намъ

знать, что *Виргилій* былъ *Поэтъ* и *Поэтъ* славный — его сравниваютъ съ *Орфеемъ*; *Threicius* опредѣляетъ отчизну *Орфея*; *blandius* сказано звукоподражательно; *auditam arboribus fidem* — довольно для похвалы *Орфею*; *non vanae redeat sanguis imagini* выражаютъ понятія древнихъ о существованіи человѣка при жизни и по смерти: умирая онъ толь же — но только *vana imago* — тѣнь, образъ безъ крови, безъ тѣла; *vanius* взято въ собственномъ значеніи *пустый*, *исчезающій*, — а не въ переносномъ *тщетный*, *напрасный*, *тщеславный*. *Quam virga semel horrida non lenis precibus et caet* жесткое *r* столько разъ повторенное сильно выражаетъ жестокость неумолимаго *Меркурія* — и особливо при мягкихъ звукахъ *semel, non lenis*, отрицательныхъ значеніемъ словахъ; *horrida virga* — волшебный пруть, коимъ можно и тѣней понуждать — есть *Кадуцей Меркурія*—проводника оныхъ изъ свѣта въ другой; и конечно долженъ быть при *virga* эпитетъ *horrida*! *Recludere fata* означаетъ опять понятіе древнихъ: что всѣ судьбы или жребіи людей заключа-

лись въ одной урнѣ, безпрестанно тамъ перемѣшивались, — и чья попадала на верхъ, тому должно было распаиваться съ свѣтомъ; слѣдовательно *fata recludere* значило — опять опустить жребій въ урну — *дать жить*, доколѣ снова *recludetur fatum* падеть на верхъ жребій. *Nigro* соединено съ *gregi* для того, — что хотя тѣни и почивались существами безъ тѣлесными, а слѣдовательно бы кажется и *бѣзцвѣтными*; — но другое значеніе *тѣни* собственное означало и у древнихъ, какъ у насъ нѣчто темное, до чего не доходятъ лучи свѣта; — а потому словами *nigro* и *gregi* удовлетворено какъ понятіямъ того времени, такъ и требованіямъ Физики. — Въ древности Поэты не были односторонни въ познаніяхъ; да напрасно и теперь истинныхъ Поэтовъ щипаютъ совершенно несвѣдущими на примѣръ въ Химіи, въ Физикѣ, въ Математикѣ, въ Медицинѣ. Правда — они можетъ быть не просиживаютъ ночей для того, — что бы дойти чрезъ тысячу цифръ и буквъ тысячеобразно измѣняемыхъ, соединяемыхъ, раздѣляемыхъ до того, — что искомое

количество равно нулю; но умбуютъ не-
большія познанія Химіи, Медицины или
Физики къ сташи употребить на пользу
другимъ. — Такъ на примѣръ, изчисливъ
не вдругъ поняшныя или даже еще и необъ-
ясненныя до сихъ поръ явленія *сѣвер-*
ныя — Ломоносовъ умѣлъ возбудить благо-
говѣніе ко Творцу сказавши, обращаясь
къ Естествоиспытателямъ:

Не свѣдомъ тварей вамъ конецъ;

Скажи тебѣ, коль великъ Творецъ?

И эшотъ корошкѣй вопросъ можетъ быть
въ самомъ дѣлѣ гораздо больше, здѣлалъ
пользы, нежели цѣлыя книги. Я уже
прежде имѣлъ честь замѣтить, что
durum, сказанное послѣ доказательствъ —
есть верхъ искусства въ Поэзіѣ; здѣсь
остаётся мнѣ прибавить только, — что и
самой звукъ слова отвѣчаетъ тѣмъ чув-
ствамъ, которыя возбудить онъ хотѣлъ.

Среди всѣхъ мною виданныхъ изданій
Горація въ одномъ только нашель я *sit* вмѣ-
сто *fit* и щитаю справедливымъ: *fit* озна-
чало бы просто общую мысль *сноснѣе для*
насъ то, чего нельзя перемѣнить; и эта исти-
на для Виргилія ни мало не была бы умѣ-

шительна, — да онъ еще и противное
сему доказывалъ бы самъ своею горькою
лечалю. Но если поставимъ *sit, levius*
разумѣть *melius*, изъ шворительнаго *patientia*
здѣлать имянительный и весь смыслъ
вмѣсто общаго превращишь въ частный —
совѣтовательный для одного Виргилія
лучше терпѣливо сносить то, чего пере-
мѣнить нельзя; — то, кажется, это будетъ
и ближе къ цѣли Поэта — и выразишель-
нѣе. Припомъ же слово *nefas* не значить
только *impossibile*, — какъ нѣкоторые ком-
ментаторы замѣчаютъ; оно выражаетъ и
Физическую невозможность, и мораль-
ную: въ самомъ дѣлѣ здѣсь и невозможно
перемѣнить судьбы Квинтилія, и *недолж-
но*; поелику боги того хотѣли и желать
противнаго значило бы не согласоваться
ихъ волѣ. Сею перемѣною словъ также
ни мало не нарушается и стопосложе-
нїе: въ одѣ нами разбираемой употребле-
ны стихи Хоріямбическіе Асклепіадовы въ
первыхъ трехъ строкахъ, въ четвертой
Гликонической. Хоріямб. Асклеп. стихъ
состоитъ изъ 4 стопъ: 1-й спондея --, 2й
и 3й хоріямба - o o - и 4-й стопы ямба o —;

Гликоническій составляется изъ трехъ стопъ 1-й спондея, 2-й хоріямба и 3-й стопы ямба. Слѣдовательно *fit*, стоя въ Хоріямбическомъ Асклепійадовомъ стихѣ въ прешней стопѣ на первомъ мѣстѣ, должно быть долгое и есть такимъ по положенію *t* и *p* двухъ согласныхъ, — предыдущій слогъ *us* долженъ быть также долгимъ и также есть долгій по положенію *s* и *t*; перемѣнивъ *fit* на *sit* не перемѣнится долгая стопа *us*: потому что два *ss* конечное отъ *levius* и начальное отъ *sit* дѣлаютъ такъ же положеніе. И наконецъ въ четвертой стопѣ ямбѣ сегождъ стиха послѣдній слогъ *a* долженъ быть долгимъ и есть такимъ по правилу *de terminatione ablativorum primae declinationis*; естлижъ сей творительный превратитъ въ именительный, — то и *a* долгое перемѣнится въ короткое *nominativi in a corripuntur* — стопа изъ ямба превратится въ пиррихій и самый слѣдовательно стихъ перемѣнится. И — однакожъ Римскіе поэты позволяютъ себѣ употреблять короткіе вмѣсто долгихъ на концѣ стиха, — какъ въ сей же одѣ въ словахъ конечныхъ *sopor* и *soror* короткіе

ея стоятъ вмѣсто долгихъ; а пошому и здѣсь, кажется, можно воспользоваться симъ позволеніемъ,—чтобъ спихъ съ перемѣною по моему замѣчанію все остался правильнымъ. Впрочемъ я дѣлаю только свое замѣчаніе и соглашусь на противное,—когда найдутся причины болѣе сильныя, нежели мои.

Симъ я оканчиваю разборъ красотъ въ одѣ Поэта — или *Князя Поэтовъ лирическихъ*, по выраженію Бонда славнѣйшаго Комментатора Гораціевыхъ сочиненій. Знаюкъ Латинскаго языка самъ увидитъ и красоты ея, и совершенства гораздо скорѣе и лучше—нежели какъ я по краткости времени это могъ здѣлать. Для шѣхъ же, кои не знакомы съ языкомъ Цицерона, осмѣлюсь присовокупить здѣсь небольшое замѣчаніе: почему ода Горація — столь краткая — заслуживаетъ отъ всѣхъ похвалу,—или, что бы сказать словами нашего Лафоншена, въ ней Листочикъ, много два,—а любо какъ читаетъ;

Не знаю, какъ-то самъ какъ будто бы летаетъ!

Вся тайна сего волшебства заклю-
чается въ томъ: что здѣсь соблюдены ме-
жду мыслями строгіе законы Логики — и
умъ нашъ доволенъ; здѣсь нѣтъ ошибокъ
противу Грамматики, употреблены посо-
бія Реторики и самымъ лучшимъ обра-
зомъ, — отъ чего чувствительность наша
и страсти столькожъ довольны — какъ и
разсудокъ; здѣсь сохранено приличіе —
Поэтъ не больше беретъ на себя, какъ
сколько можетъ и долженъ взять; здѣсь
нѣтъ слова. — которое бы опинявши не-
льзя было не чувствовать, что чего-то
недостаетъ, — нѣтъ такъ же и такого
слова, котораго бы намъ хотѣлось еще:
пусть ни больше ни меньше, какъ сколь-
ко нужно. Изъ всего сего и происходитъ,
что ода сія съ начала до конца намъ нравит-
ся, приятное ощущеніе (при ея чтеніи ни
чѣмъ не нарушается — а напротивъ возра-
стаетъ; слѣдовательно она есть произве-
деніе эстетическое, изящное, прекрасное —
все вмѣстѣ! —

(Продолженіе впредь.)

II. ЖИВОПИСНАЯ ПРОЗА.

Еще нѣсколько моихъ воспоминаній.

Comptez chacun de vos jours par des plaisirs, par des amours, par des trésors et par des grandeurs; le dernier les accusera tous de vanité!

Я страстный охотникъ до путешествія; но должность учителя весьма рѣдко совмѣстна съ страстію путешественника; — а потому и не могъ я копить денегъ. Надобно ли однакожь мнѣ о томъ жалѣть? Совсѣмъ нѣтъ: простое воспитаніе у бѣдныхъ и благочестивыхъ родителей, удаленіе отъ роскоши по привычкѣ и по правиламъ — научили меня обходиться безъ богатства. А приращеніе полезныхъ свѣденій, къ которымъ душа безпрестанно стремится, — приобретеніе приятныхъ знакомствъ, удовлетвореніе первымъ надобностямъ сердца — любить, почитать, ушѣшать и пользоваться взаимностію, — обогащеніе воображенія прекраснѣйшими картинами, приливъ улаждительныхъ мыслей, сладостныхъ чув-

ствованій и утѣшительныхъ воспоминаній — все это замѣняешь много наслажденій и совокупно доставляешь много выгодъ. Да и что значить предъ ними нѣсколько тысячъ рублей болѣе? Путешествуя по прекраснымъ мѣстамъ я наслаждаюсь завиднымъ щастіемъ: душа и сердце находятся въ удивительномъ согласіи. Нѣтъ нужды, что чрезъ это ставится перегородка между мной и обществомъ; за то я беру изъ него съ собой образъ любимыхъ особъ! А неприятныя и часто огорчительныя воспоминанія объ оставленномъ обществѣ исчезаютъ во святилище природы, при водвореніи въ сердцѣ спокойствія и тихаго веселія. Я никогда не бываю меньше уединенъ и болѣе занятъ, какъ при созерзаніи премудрости и благости Творца въ чудесныхъ дѣлахъ природы; и земля кажется мнѣ едва примѣтною точкою, когда по лѣстницѣ чудесъ возношусь къ престолу Отца и Промыслителя всѣхъ человѣковъ, благоговѣю предъ Нимъ я — червь пресмыкающійся во прахѣ! Въ путешествіи я наслаждаюсь всѣмъ видимымъ; невидимое открываетъ мнѣ неизчер-

паемый источникъ надежды и неизобразимаго перомъ восхищенія; и я тогда богатыѣ Креза. Неужели нельзя наслаждаться въ свѣтѣ безъ понятія о собственности? Пусть меня сравнятъ съ дуракомъ почтившимъ своими всѣ корабли, приходившіе въ Аѳинскую гавань; я ни какъ не почту себя оскорбленнымъ симъ сравненіемъ, — не стыжусь чувствовать и мыслить, какъ простодушный Санхо-Панса. . . . Не имѣя почти ничего я былъ всегда веселѣе тѣхъ богачей, у коихъ жилъ прежде. Собственность приуменьшаетъ удовольствіе тогда, какъ лишеніе на время и надежда получить что нибудь возвышаютъ цѣну тому же удовольствію. Крайности вездѣ равно неприятны; щастіе какъ и добродѣтель, по мнѣнію Аристотеля, суть среднія точки — *virtus in medio . . . aurea mediocritas . . .* Ну, полно умишловать, Г-нъ Учитель; скорѣе отъ скучнаго предисловія къ настоящему предмѣшу! —

Тѣмъ предмѣшамъ, мѣстечекъ и городовъ мелькаетъ теперь въ моей памяти: Екаперинославль, Никополь, Бориславль, Олешки, Херсонъ. . . . Въ Херсонской крѣпо-

ести церковь приятной архитектуры, — и около церкви есть нѣсколько памятниковъ. Больше всѣхъ пронуль меня памятникъ воздвигнутый Принцу Александру Виртембергскому, родившемуся — какъ и я — въ городѣ Монбельярѣ и умершему во цвѣтѣ лѣтъ. Думалъ ли онъ, что ему Судьбою назначено быть похоронену въ Херсонѣ? думалъ ли я, что мнѣ горевать при подножїи его памятника? Вырѣзанный на немъ В. гербъ живо напомнилъ мнѣ о городѣ Тибингенѣ, гдѣ я учился. — Тамъ же подлѣ почти — уничтоженный памятникъ С. К. П. проговорилъ мнѣ довольно вняшно урокъ о ничтожествѣ земнаго величїя. Я былъ такъ же и въ огромномъ дворцѣ для Князя построенномъ въ Екашеринославѣ; видѣлъ фундаментъ огромнѣйшей церкви, при зложенїи которой присутствовали два Владыки — уже не существующіе. Чтожь видѣлъ я во дворцѣ? видѣлъ солдата, занятаго починкою вѣшаго мундира своего и нѣсколько домовыхъ живописныхъ . . . Такъ-то все насвѣтъ похоже на сновидѣніе, на тѣнь отъ тѣниже! Вся наша жизнь — сто разъ пов-

порю! — есть токмо одинъ скороспечный день;— а мы его употребляемъ на созиданіе воздушныхъ замковъ; мы гоняемся за мечтами и за мыльными пузырьками не подумавъ, — что смерть у насъ всегда сидитъ за плечами и, по словамъ Рускаго Пиндара и Горація, потачиваетъ лезвее косы своей. Дѣши праха живущъ и дѣйствующъ, какъ будто имъ жить вѣчно въ семь мѣрѣ! Межъ тѣмъ какъ быстро летитъ время! минушы, посвященныя сему начертанію, летяшъ и изъемяются уже изъ числа мнѣ назначенныхъ въ жизни! Если бы мы жили въ безпрерывномъ упоеніи чувствъ безъ скорбей, болѣзней и скуки; то подобно пьянымъ едва примѣшили бы, что мы живемъ и жили. —

Екатеринославль имѣетъ отличнаго и честнаго врача Р. . . а Гимназія очень умнаго Директора М. . . Въ Старообрядскомъ монастырѣ подъ Олешками, — въ кошоромъ мнѣ случилось быть съ Его Прев. . . опшавнымъ Вице - Адмираломъ П. В. Пустошкинымъ, видѣлъ я 10 лѣтъ тому назадъ отца Варлаама — 125 лѣшняго мона-

ха, бывшего маркизаншомъ во время Полтавской баталіи!! Мнѣ былъ очень знакомъ такъ же и покойный отецъ Іоасафа Архимандритъ, 12 лѣтъ путешествовавшій по святымъ мѣстамъ; по сему бесѣда съ нимъ была очень занимательна. Я видѣлъ Георгіевскій монастырь висящій такъ сказать надъ Днѣпромъ, не далеко отъ иностранныхъ колоній—и оплечающійся не строеніемъ, но прелестнымъ мѣстоположеніемъ. Я ѣздилъ съ покойнымъ Д. М. К... въ село Дурицкое на Днѣпрѣ,—чтобъ осмотрѣть мѣсто, гдѣ не задолго до кончины въ Херсонѣ жила Графиня Рошшуаръ—одна изъ Шшапсдамъ и любимица несчастной Французской Королевы. При входѣ въ домъ я пришелъ въ крайнее удивленіе и былъ пронутъ до глубины души, сравнивъ мысленно маленькую и не вымощенную комнату съ великолѣпными покоями пышнаго и роскошнаго Версальскаго дворца, — при которомъ Графиня прежде пользовалася всѣми благами доставляемыми смертнымъ отъ знатности, богатства, щастія, красоты и земнаго величія. Красоту Графини показы-

валъ ея портретъ въ семь домѣ висѣвшій на стѣнѣ. Добрый Нѣмецъ при семь случаѣ разсказалъ мнѣ, — какъ Графиня, забывъ собственныя несчастія и не ропсавъ никогда на злополучіе въ бѣдномъ жилищѣ, принимала живѣйшее участіе въ спираданіяхъ окружавшихъ ее, — доставляла отраду своему скорбящему сердцу подаваніемъ помощи страждущимъ и несчастнымъ. Я вспомнилъ тогда по справедливости хвалимый стишекъ, излившійся изъ человѣколюбиваго сердца крошकाго и чувствительнаго Виргилія и вложенный имъ въ уста несчастной Карфагенской царицы, великодушно помогавшей изгнаннымъ Троянцамъ:

Non ignara mali miseris succurrere disco.
 Приливъ горестныхъ чувствованій и печальныхъ напоминаній столько меня разстрогалъ, что я вышелъ изъ дома для облегченія опѣшеннаго сердца, — пролилъ нѣсколько слезъ и посвятилъ ихъ всѣмъ жертвамъ злословія, клеветы, злобы, гоненія и мщенія нечестивцовъ, — всѣмъ скишающимся честнымъ людямъ, невиннымъ сиротамъ и печальнымъ вдовамъ — угнѣбленнымъ врагами человѣчества, не-

винности, справедливости и добродѣтели. Я видѣлъ въ К . . . у покойнаго Д. М. К. сына несчастной Графини, нынѣ Парижскаго Коменданта и еще молодаго Графа Домонъ — сына Дюка сего имени. Онъ читывалъ извѣстную Поэму славнаго Мильтона; а я съ нимъ вмѣстѣ разсужденія Бособра — Французскаго эмигранта въ прошедшемъ вѣкѣ о *благахъ и бѣдствіяхъ сего міра* Графъ убить Черкесами. Многіе, чаю, подумываютъ уже, — что я плещу имена особъ, какъ говорящъ, ни къ селу ни къ городу; нѣтъ Мм. Гг! у меня въ головѣ гнѣздится маленькое намѣреніе: сими прогашельными примѣрами человѣческихъ превратностей заставить гордыхъ щасливцовъ не слишкомъ довѣрять благосклонности сударины непостоянной фортуны! . . . Ното sum, hamani а me nihil alienum puto — пусть помнятъ они и твердятъ на какомъ угодно языкѣ! — Несчастіе наилучшимъ образомъ умудряетъ человѣка: злополучіе есть небесный пансіонъ, улыбка благодати, возвращеніе отъ заблужденій и пороковъ къ истиннѣ и добродѣтели!!!

Наконецъ желаніе мое исполнилось, — и я отправился въ Крымъ. Не стану утруждать читателей описаніемъ сего прославленнаго полуострова, хотя бы они того и дожидались: сіе предпріяніе было бы выше силъ моихъ. Я щастливымъ себя почту, — естли собранныя въ семь богатомъ рудникѣ золотыя блесочки не сдѣлались свинцовыми въ моихъ рукахъ, подъ слабымъ перомъ моимъ. Съ удовольствіемъ я прохаживался по Орскому рву ископанному, какъ пишутъ, какимъ по Асандромъ для соединенія Чернаго моря съ Сивашомъ; я призадумался въ мрачной крѣпости прежде защищавшей Таврію; испыталъ нетерпѣніе, скуку и томленіе въ необозримыхъ—безводныхъ и безлѣсныхъ равнинахъ по окрестностямъ того мѣста. Однакожъ соленыя озера заслуживаютъ вниманіе: такъ-то недосдашки вездѣ вознаграждаются какими тибудь выгодами! И пораженъ былъ удивленіемъ при видѣ величественнаго Чатыр-дага, освѣщеннаго солнечными лучами и тогда еще, какъ тѣни покрывали уже всѣ равнины. Душа моя ощу-

пила неизъяснимое восхищеніе на берегахъ Салгира, — при внезапномъ обзорѣи новой, прекрасной и богатой природы; и какой поразительной контрастъ между странами лежащими по обѣимъ берегамъ сей прелестной рѣки, осыщенной высокими осокорами! Мое восхищеніе еще усугубилось, когда я купался въ свѣсплыхъ струяхъ Салгира съ приятнѣйшимъ журчаніемъ текущаго по камнямъ, — и потомъ на тѣнистыхъ и прохладныхъ его берегахъ чиналъ съ новымъ удовольствіемъ Геснеровы Идилліи, въ виду Чатыр-дага — гдѣ Наяда изъ неизчерпаемой урны выливаетъ съ шумомъ въ цвѣтущую долину кристалловидныя волны быстрого Салгира. Правду сказать однакожь надобно: Татарки и другія Нимфы тамошнихъ мѣстъ, приходившія мыть бѣлье на берегахъ сей прекрасной рѣки, ничего не имѣли сходнаго съ прелестными паслушками, — коихъ описывалъ Геснеръ.

Я ходилъ погруженъ въ глубокую задумчивость около стѣнъ Θεодосіи и смотрѣлъ съ крайнимъ удивленіемъ на гербъ

Генуезской Республики, поставленный на
вратахъ сего древняго города: гербъ еще
цѣль; а Генуа, бывъ подвержена безчислен-
нымъ политическимъ переворошамъ, на-
конецъ сдѣлалась чужою областію. . . .

Я первой разъ пользовался вечернею
прохлагою на морскихъ берегахъ съ поч-
теннымъ семействомъ Его Превосх. Гене-
рала А. С. Феньша, у коего имѣлъ я честь
гостить; — и во всю жизнь не былъ столь-
ко пораженъ картиною коловратности
дѣлъ человѣческихъ, какъ въ прежней
Столицѣ Крымскихъ Хановъ! Дворецъ по
новости строенія — внутренняго раз-
положенія и уборовъ въ восточномъ
вкусѣ обращаетъ на себя вниманіе вся-
каго, кто никогда не оставлялъ Евро-
пу. Россійскій сержантъ отворилъ намъ
ворота сего необитаемаго дворца, куда
нѣкогда приѣзжали на поклоненіе владѣ-
тельные особы и откуда прежде выходи-
ли грозныя повелѣнія о страшныхъ и ги-
бельныхъ набѣгахъ — часто приводившихъ
въ трепетъ жителей обѣихъ береговъ
Бористена, нарушавшихъ покой у мир-

ныхъ Украинцовъ. Глубокое молчаніе нынѣ царствующее въ семь зданій, видъ Ханскаго кладбища, сады украшенные дарами Флоры и Помоны, унылый голосъ поющихъ Имановъ въ мечети, бесплодная гора съ одной стороны, все богатство растительнаго царства съ другой, жилище жидовъ — какъ пространное гнѣздо на высокой горѣ, — внутри же дворца кровавъ и ванна для прежняго употребленія безсмертной Екатерины II въ бытность Ея въ Бакчисараѣ, мѣсто отдохновенія послѣдняго Хана трагически умершаго, противоположныя понятія о величїи и ничтожествѣ: — всѣ сїи предмѣты и сопряженныя съ ними мысли сильно сотрясали душу и вырѣзывали на сердцѣ глубокое, неизгладимое впечатлѣніе! Кто можетъ безъ слезъ или тяжкихъ вздоховъ на это смотрѣть, кто равнодушно помыслить о коловратностяхъ краткой и часто злополучной жизни; у того вѣрно сердце каменное. . . . Но какую разительную противоположность представляютъ дѣла природы въ сравненїи съ человѣческими: водометы дѣйствуютъ по прежне-

му — и изливають прохладу въ покаяхъ; Алма и Кача — какіе прелестные до сихъ поръ пошoki!

Севастополь, построенный изъ развалинъ древняго Херсониса, имѣеть издали видъ города, — который выходишь кажеться изъ безднъ Эвксинскаго Понша. Я былъ на *Ратноль*, спопушечномъ кораблѣ и ѣздилъ въ первой разъ моремъ на кашерѣ въ Инкерманъ для осмотра шихъ развалинъ. Я сидѣлъ въ задумчивости на мысѣ Ифигеніумѣ, откуда открывается необъяснмое морское пространство. Простяишь ли меня ученые, — что я тогда не занимался ни несчастною Ифигеніею, ни Орестомъ и Пиладомъ; а еще меньше жестокимъ Фоантомъ, приносившимъ на жертву Діанѣ несчастныхъ людей, — коихъ бури и кораблекрушенія прибывали къ сему тогда дикому и негостепріимному берегу? — Я блуждалъ пономъ съ неописаннымъ восторгомъ по винограднымъ садамъ, вспоминалъ отечественныя горы и холмы и, подобно обрадованному ребѣнку, цѣловалъ первую виноградную кисть! На послѣдокъ, съвѣ

подъ тѣнью кипариса въ виду моря тогда тихо колебавшагося отъ дуновенія зефировъ и въ сосѣдствѣ небольшого монастыря Св. Георгія, я предался свободно воспоминаніямъ и размышленіямъ: сколь сладостно уединеніе и тихая жизнь! мы тогда только и чувствуемъ и вкушаемъ блаженство ея, — когда, удалясь отъ городского шума и отъ предмѣстовъ могущихъ возбуждать спраси, покоимся подъ тѣнью деревъ или въ темной рощѣ или на высокой горѣ въ лонѣ природы; а еще лучше подъ защитою деревъ, насажденных въ опцовскомъ наслѣдіи! Размышляя свободно мы чувствуемъ самихъ себя и покрайней мѣрѣ на малое время живемъ безъ помѣшательства, — познаемъ, что мы жили; тогда наши чувства и мысли заимствуютъ нѣчто отъ чистоты воздуха насъ окружающаго. Но чтобъ освободиться отъ мятежа и оковъ насъ обременяющихъ, отъ тягостнаго общества маскированныхъ людей—и наслаждаться совершенно миромъ; по для сего не нужно искать пустыни: самое уединенное мѣсто—есть человѣческое сердце. — Справедливо

говорить Шатобрианъ : la pensée de l'homme est égale aux espaces de la Nature, et toutes les solitudes de la terre sont moins vastes qu'une rêverie de son coeur. *Génie du Christianisme.*

Я отправился изъ монастыря Св. Георгія въ Балаклаву; а отполѣ возвратился въ Севастополь — и прожилъ еще двѣ недѣли въ Симферополѣ въ домѣ добраго приятеля Доктора Ив. Ив. Г. . . или лучше сказать подъ тѣнью абрикосовыхъ и персиковыхъ деревьевъ, тогда согбенныхъ бременемъ плодовъ. Приятнѣйшую бесѣду составляли ихъ Прев. К. Ив. Палласова, Д. Б. М. . . и С. С. Ж.; жаль, что не было уже стараго моего знакома А. С. Т. . . Б. . . ! — Я не стану говорить о горахъ, — которыя по моему мнѣнію взявъ во вниманіе различную высоту ихъ, положеніе и проч. — вездѣ имѣютъ нѣкоторое сходство въ отношеніи къ видамъ; вся разность состоить въ разсужденіи моральныхъ идей, столь сильное вліяніе имѣющихъ на физическія красоты. Въ этомъ былъ одного со мною мнѣнія Дюкъ

де Ришелье, съ которымъ я имѣлъ честь говорить о семъ предметѣ.

Я оставилъ Крымъ съ удовлетвореннымъ любопытствомъ, съ довольнымъ сердцемъ и съ обогащеннымъ воображеніемъ; но опшуда не вывезъ ни денегъ, ни дорогихъ вещей, ни антиковъ, ни Треческихъ надписей, ни медалей, ни раковинъ, ниже сѣмянъ плодовъ и цвѣтовъ, — сколько ни люблю я сіи послѣднія: ибо у меня нѣтъ ни хижины, ни пядени земли на земномъ шарѣ. Между тѣмъ я доволенъ своею малой долею — и щитаю себя щастливымъ еще поному, — что нѣтъ у меня завистниковъ, соперниковъ, тайныхъ враговъ, прихворныхъ друзей, жадныхъ и неблагодарныхъ родственниковъ, корыстолюбивыхъ любовницъ, льстивыхъ угодниковъ. Нѣтъ мнѣ нужды пресмыкаться передъ богатыми для снисканія ихъ благосклонности и составленія щастія; нѣтъ нужды прихворяться любящимъ тѣхъ, къ коимъ сердце мое не чувствуетъ любви и привязанности. Я имѣю добрыхъ приятелей, кои всегда говорятъ мнѣ правду и не бояшся гнѣва ошъ уязвленнаго само-

любія моего. Случается ли мнѣ въ странствованіи найти на такихъ людей, коихъ правила не согласны съ моими — кои за свои ласки пребуютъ отъ меня слишкомъ великихъ пожертвованій? — я по Евангельскому совѣту ошрясаю прахъ съ обуви, беру страннической посохъ и иду далѣе, — пожелавъ оставленнымъ всѣхъ благъ и не боясь упрековъ въ непостоянствѣ или мнимой неблагодарности! Люблю мыслишь въ такомъ случаѣ съ Шатобріаномъ: *les blessures que fait celui qui aime, valent mieux que les baisers de celui qui hait.*

Я возвратился въ Х. съ утѣшительнымъ увѣреніемъ: что повсюду сіяють премудрость и благость всемогущаго Творца; что все премудро устроено для пользы и щастія шварей; что вездѣ люди по большой части ищутъ щастія внѣ себя и природы; что мало уважаютъ то, что имѣютъ, — а высоко цѣнятъ, чего нѣтъ у нихъ; что они, жалѣя о прошедшемъ и заняты мечтами будущаго щастія, не пользуются съ благоразумною умѣренностію настоящимъ, — которое у нихъ одно въ рукахъ; что они, гоняясь

далеко за призраками, оставляють полезную истинну передъ ногами находящуюся; что, желая бытьъ счастливыѣ другихъ и мѣняя истинныя блага на мечтательныя, лишаются способности бытьъ счастливыми. Часто разсуждая, что изъ множества милліоновъ людей покрывающихъ нынѣ шаръ земли не останется можетъ бытьъ ни одного по истеченіи вѣка, — я сожалѣю о множествѣ предразсудковъ, страстей, мечтаній и заблужденій приводящихъ людей въ несогласіе, ненависть и вражду. Боже милосердый! восклицаю тогда, — будь вѣчно моимъ отцомъ, защитникомъ и промыслителемъ! Даруй мнѣ Твою неизреченную милость, безъ коея ни кому жить нельзя! При сохраненіи неоцѣненнаго сокровища — здоровья и малаго имущества, — которое имѣю и доставалъ учительскими трудами, — я желаю обладать неплѣнными сокровищами челоуѣколюбія, честности и чистой совѣсти; дабы встрѣпить, какъ невѣсту, смерть — смерть почишаемую мною послѣднимъ даяніемъ отъ Твоей отеческой руки! —

(Продолженіе впредь.)

Приятности дѣтскихъ лѣтъ.

(Изъ Жофрета.)

Когда роза представляетъ только скромный шипокъ и когда ея бархатные листочки едва освобождаются отъ пурпуровыхъ пеленъ ихъ закрывающихъ; тогда взоръ мой съ радостію на ней покоится. Я люблю смотрѣть на нее, какъ непримѣннымъ образомъ она развертывается и мало по малу украшается ослѣпляющимъ румянцемъ.

Люблю смотрѣть на источникъ ручейка, вырывающійся изъ нѣдръ крутого утеса. Лежа на берегу его — мохомъ, кресломъ и водяною вероникою покрытомъ, подъ тѣнью орѣшника — сладостно дышу свѣжестію раждающагося ручья.

Ягненокъ — исполненъ радости прыгающій на томъ лугу, гдѣ только что родился — увеселяетъ мой взоръ и трогаетъ сердце. Я принимаю участіе въ милыхъ его играхъ и все мнѣ нравится въ немъ, — даже его прихоти и упрямство.

Заря, гонящая передъ собою мрачныя тѣни ночи и возвѣщающая пришествіе блистательнаго свѣтила дня, меня восхищаетъ. При видѣ бѣлизны украшающей востокъ и сихъ розовыхъ оплѣтѣнковъ ей послѣдующихъ — мнѣ кажется, будто я присутствую при рожденіи природы.

Но ничто мнѣ такъ не нравится, какъ прекрасное дитя: въ немъ вижу я развертывающійся розовый шипокъ, источникъ — съ тѣною спремающійся изъ нѣдръ утеса, агнца прыгающаго по травѣ и блистательную зарю — отверзающую пламенные завѣсы дня.

Лилія и Роза.

Что бы дать понятіе о свойствахъ какого нибудь цвѣтка, — Ботанисты показываютъ его засохшимъ, блѣднымъ и простертымъ въ гербаріѣ. Но узнаю ли я въ семь видѣ лилію? Не на берегу ли ручья должно удивляться царицѣ долинъ, — когда она посреди другихъ травъ возвышается

свой величественный стебель и опсвѣчиваетъ въ водахъ чашечки, бѣлѣйшія слоновой кости? Сія бѣлизна становится еще блистательнѣе, — когда изпещряють ее подобно коралловымъ капелькамъ красненькіе жучки съ черными пятнышками, ищущіе почти всегда въ ней себѣ убожища. — Кто въ засохшей розѣ узнаетъ царицу цвѣтовъ? Что бы она явилась вамъ предмѣтомъ любви и размышленія, — для сего надобно видѣть ее тогда, какъ она выходя изъ влажной разщелины скалы блеститъ въ своей зелени, тихо колеблется на стебелькѣ усѣянномъ шипами и манишь къ себѣ цвѣтомъ и благовоніемъ своихъ почишателей. Иногда испанская мушка украшаетъ ея вѣнчикъ своею изумрудною зеленью, дѣлаетъ багрянецъ ея еще ярчѣе; — тогда-то сей цвѣтокъ кажется говоритъ намъ, — что онъ, какъ символъ утѣхи и удовольствія по своимъ прелестямъ и скорошечности, носитъ подобно имъ и опасность вокругъ себя, раскаяніе въ своемъ нѣдрѣ.

Г — а Ш — л.

III. ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

Мелезихтонъ.

(Изъ Фенелона.)

Мелезихтонъ родился въ Мегарѣ, происходилъ отъ знаменитаго Греческаго поколенія и въ молодости своей ни о чомъ больше не помышлялъ, — какъ только что бы подражать военнымъ примѣрамъ своихъ предковъ. Онъ отличился во многихъ походахъ и храбростію, и дарованіями. — Но какъ всѣ его склонности стремились къ великому и онъ дѣлалъ важныя издержки; то въ скорѣ и раззорился. Это принудило его удалиться въ загородный домъ на берегу моря, — и жить тамъ съ Проксиноею своею женою среди глубокаго уединенія. Жена его была умна, имѣла довольно присутствія духа и самонадѣянности. По ея роду и красотѣ многіе искали руки ея гораздо изъ богатѣйшихъ фамилій, нежели каковъ былъ Мелезихтонъ; но она предпочла его всѣмъ — единственно за его достоинства. Сіи два существа чрезъ

свои добродѣтели и дружбу конечно содѣлали себя благополучными на нѣсколь-
ко лѣтъ и были такими; зато теперь, по
взаимной одинъ къ другому любви и со-
страданію, они спшановились часъ опъ
часу несчастнѣе. Мелезихтонъ гораздо
легче перенесъ бы свои бѣдствія, естли
бы одинъ былъ — безъ существа, которое
онъ столько любилъ; Проксиня также
чувствовала, что она собой умножаетъ
горести Мелезихтона... Они желали най-
ти себѣ утѣшеніе по крайнѣй мѣрѣ въ
своихъ дѣтяхъ, — которые, казалось, оба
были образованы самою прелестію; сынъ
изъ нихъ назывался Мелибеємъ, дочь Пимени-
сою. Мелибей и въ нѣжномъ возрастѣ
своемъ начиналъ уже оказывать силу,
ловкость и смѣлость; онъ превосходилъ
всѣхъ дѣтей по сосѣдству въ борьбѣ, бѣ-
ганьѣ и другихъ упражненіяхъ. Онъ хо-
дилъ въ лѣса — и удары стрѣлъ его были
такъ вѣрны, какъ самаго Аполлона; но онъ
старался подражать сему богу болѣе въ
наукахъ и художествахъ, нежели въ тѣ-
лесныхъ упражненіяхъ. Мелезихтонъ средъ
своего уединенія наставлялъ его во всемъ,

что только можетъ образоватъ и украсить умъ, заставить любить добродѣтель и улучшить нравъ. Мелибей имѣлъ видъ простой, приятный и откровенный; но вмѣстѣ и благородный, мужественный, отважный: отецъ, смотря на него, обливался слезами. —

Пименису наставляла мать во всѣхъ искусствахъ, кои людямъ открыла Минерва. Пимениса, въ добавокъ къ симъ изящнымъ работамъ, присоединяла еще и прелестный голосъ, и лиру — прогательнѣе самой Орфеевой. Увидѣвъ ее, — всякой подумалъ бы, что это Діана возносящаяся съ острова Делоса — гдѣ она родилась. Ея русые волосы были небрежно связываемы назади; нѣсколько изъ нихъ упали на шею и вѣялись вѣтерками. Она носила легкую одежду и поясъ, — который, сокращая нѣсколько одежду, доставлялъ ей шѣмъ болѣе свободы въ движеніи. Безъ прикрасъ она превосходила все, что можно видѣть прекраснаго, — и сама того не знала; ей даже никогда не приходило на мысль посморгнуться въ ручей, — она смотрѣла на одно семейство

свое и помышляла только — какъ бы ей прудиться.

Но отецъ, обремененный печалію и не предвидя ни откуда поправленія дѣламъ своимъ, искалъ всегда уединенія; жена и дѣти — составляли казнь его. Онъ часто уходилъ на берегъ моря, къ подошвѣ скалы, къ отверстіямъ дикихъ пещеръ и тамъ оплакивалъ свои несчастія; — переходилъ въ глубокую долину, до которой густой лѣсъ не допускалъ солнечныхъ лучей въ самый полдень, — садился на дернъ, разстилавшійся по берегамъ чистаго ручья — и всѣ печальныя думы сбивались толпою въ его сердце. Сладкій сонъ не смыкалъ его глазъ; онъ говорилъ шепая; преждевременная старость разслабляла его и покрывала чело морщинами; онъ даже забывалъ необходимости для поддержанія жизни — и падалъ подъ ударами своей горести!

Въ одинъ день, находясь въ сей глубокой долинѣ, онъ заснулъ отъ усталости и изнеможенія. Вдругъ снился ему богиня Церера украшенная златыми колосьями, — какъ будто она предстаетъ передъ

него съ приятнымъ — величественнымъ челомъ и говоришь, называя его поимяни: — для чего ты допускаешь суровой форшунѣ угнѣшать тебя? — Увы! отвѣчалъ онъ, — друзья мои меня бросили, имѣнія нѣтъ, опъ всего остались мнѣ только тяжбы и должники; знатность произхожденія довершаетъ только мое несчастіе: я не могу рѣшиться, подобно невольнику, работою пробавлять жизнь себѣ! — Но кто сказалъ тебѣ, что благородство состоить въ одномъ имуществѣ? и не справедливѣ ли поспавлять его въ подражаніи добродѣтелямъ своихъ предковъ? Благородными почитаются одни только справедливые. Живи и ты малымъ, доставай се *малое* своими трудами, не будь ни кому собою въ тягость — и здѣлаешься самымъ благороднѣйшимъ изъ людей. Человѣческій родъ ни кого не можетъ укорять за свои несчастія, кромѣ своей лени и пристрастія къ ложной славѣ. Если не доставаетъ вамъ нужныхъ вещей; то для чего ихъ приобрѣщеніемъ копите быть обязаны другимъ, а не самимъ себѣ? не ужели нѣтъ у васъ и рѣшимости — доставать ихъ себѣ своими трудами? —

Сказавши сѣе, она потчасъ представила ему златый плугъ и рогъ изобилія. Потомъ показался Бахусъ, увѣнчанный плющемъ — съ жезломъ въ рукѣ; за нимъ Панъ играющій на флейтѣ и тѣмъ заставляющій плясать Фауновъ и Сатировъ; Помона явилась обремененная плодами, Флора украшенная живѣйшими и благовоннѣйшими цвѣтами: — словомъ всѣ сельскія божества обратили взгляды, исполненные благоволенія на Мелезихтона.

Пробудясь онъ углубился въ смыслъ и силу необыкновеннаго сна своего; и вдругъ почувствовалъ въ себѣ какое-то утѣшеніе, ощутилъ охоту ко всѣмъ сельскимъ работамъ. Пересказалъ свой сонъ Проксиноѣ — и она раздѣлила съ нимъ всѣ его чувства. На другой день они отпустили всѣхъ своихъ тунейдцевъ — слугъ, — коихъ должность въ томъ только прежде и состояла, чтобъ служить самимъ себѣ. У нихъ ужъ не видно больше стало ни колесницъ, ни возницъ. Проксина и Пимениса вязали что нибудь, гоняя на паствахъ свое стадо; потомъ дѣлали полошню и ткани, — кроили и шили себѣ и всему семей-

ешву платье. Вмѣсто работъ изъ шелку, золота и серебра, — кои они привыкли дѣлать съ искусствомъ Минервы, — теперь употребляли свои пальцы только для вершена и другихъ тому подобныхъ работъ. Они собирали собственными руками огородные овощи и приготовляли пищу для всѣхъ въ семьѣ. Молоко ихъ стада, которыя сами онѣ доили, было послѣднею для нихъ роскошью. У нихъ ничего не покупалось; а все было дома приготовляемо — и скоро, и безъ скуки; — и все было хорошо, просто, безыскусственно, приправлено вкусомъ — производящимъ всегда охоту труда и умеренности.

Въ сей деревенской жизни все у нихъ было чисто и опрятно. Богатые обои были проданы; сѣнь въѣзды выбѣлены; безпорядокъ и малѣйшая даже нечистота удалены совершенно изъ дому; на простой мебели не давали сѣсть пылинкѣ, — постѣли изъ грубаго полотна украшались — чистотою. Самая кухня ихъ имѣла опрятность, какой рѣдко можно найти въ большихъ домахъ; все тамъ было прибрано и лоснилось. Для угощенія въ праз-

дничные дни своего семейства — Проксиноя пекла прекрасные пироги. Ея пчелы приносили медъ несравненно слаще того, который произтекалъ изъ дубовыхъ деревьевъ во время златаго вѣка. Коровы сами приходили предлагать имъ ручки молока. У сей трудолюбивой женщины находились въ огородѣ всѣ плоды и овощи, служащіе для пищи человѣку въ всякое время года, — и поспѣвали гораздо ранѣе, нежели у другихъ; — были всѣ цвѣты, коихъ одну часть она продавала, другою украшала домъ свой. Дочь помогала матери и наслаждалась единственнымъ удовольствіемъ — пѣть работая, или провождая своихъ овецъ на паствахъ. И никакое стадо не могло съ нимъ сравняться! ни язва, ни даже самые волки не смѣли къ нему приближиться. Подъ ея пѣсни нѣжныя овѣчки прыгали по травѣ — и эхо въ окрестностяхъ, казалось, любило повторять ея пѣніе.

Мелезихтонъ самъ пахалъ свое поле, самъ ходилъ за плугомъ, сѣялъ и жаль; онъ увѣрялся, — что труды земледѣлія не такъ грубы, а еще полезнѣе и безвиннѣе

военныхъ. Едва скосивши младую траву луговъ своихъ,— онъ уже спѣшилъ собирать дары Цереры, которая награждала его за одно зерно въ сотеро. Вскорѣ и Бахусъ излилъ для него нектаръ, заслуживающій быть на столѣ боговъ. Минерва также надѣлила его плодами своего дерева (оливы), столь полезнаго для человѣка. Зима была — порою ошдохновенія, въ которую все семейство собравшись вкушало невинное удовольствіе и благодарило боговъ удалившихъ отъ него ложныя забавы. Они употребляли мясную пищу только при жертвахъ, и спада ихъ закалаемы были только на олшаряхъ.

Въ Мелибеѣ не обнаруживалась почти ни одна изъ спрасшей юношества; онъ пасъ большія стада, рубилъ въ лѣсахъ большіе дубы, копалъ каналыцы для орошенія луговъ — и былъ неутомимъ помогающу своему. Когда же время неспособно было къ работѣ; то онъ увеселялъ себя охотою, бѣганьемъ съ молодыми людьми его возраста и чтеніемъ, къ чему вкусъ родилъ въ немъ его отецъ.

Вскорѣ Мелезихтонъ привыкъ къ умѣренной жизни — издѣлался богатымъ прежняго. — Правда, онъ имѣлъ вещи только нужныя для жизни; но всѣхъ ихъ было у него съ избыткомъ. Его общество состояло въ одномъ своемъ семействѣ. Они всѣ взаимно себя любили и составляли другъ для друга щастіе; они жили въ отдаленіи отъ царскихъ палатъ и отъ удовольствій, покупаемыхъ дорогою цѣною; — и жили однакожь не безъ удовольствій, — и удовольствія сїи были у нихъ и прияшны, и невинны, и просты, и легки къ снисканію, и безъ вредныхъ послѣдствій.

Такимъ образомъ Мелибей и Пимениса воспитались въ школѣ сельскихъ занятій; — они вспоминали о своемъ происхожденіи для того только, чтобъ имѣть больше мужества для перенесенія бѣдности. — Обиліе опять возвратилось въ сей домъ; но не привело съ собою опять роскоши: все семейство продолжало быть и умѣреннымъ, и трудолюбивымъ. Мелезихтонъ слышалъ, какъ ему говорили: ты опять богатъ, пора тебѣ окружить себя прежнимъ блескомъ; — и всегда оцѣ-

вѣчалъ на то: что, вы думаете, больше достойно моей привязанности, — роскошь ли, которая меня погубила? или умѣренная и трудолюбивая жизнь, которая возвратила мнѣ и богатство и щастіе? —

Наконецъ, находясь однажды среди этого мрачнаго лѣсу, гдѣ Церера во снѣ подала ему столь полезное наставленіе, — онъ опять заснулъ на муравѣ съ такимъ же удовольствіемъ, съ какою прежде горестію; — и опять ему представляется Церера точно также, какъ и въ первомъ снѣ, произнося сїи слова:,, истинное благодородство состоитъ въ томъ, — чтобы ничемъ не заимствовать отъ другаго и дѣлать всякому добро. Итакъ — все получай только изъ обильныхъ нѣдръ земли и отъ собственныхъ своихъ трудовъ. Берегись больше всего — оставишь когда нибудь изъ лени или по ложной славѣ то, что составляетъ самый естественный и неизчерпаемый источникъ всѣхъ благъ !,,

Съ Франц. Глафира Шулянская.

IV. СТИХОТВОРЕНІЯ.

Подражаніе Псалму 114-му.

*Возлюбихъ, яко услыша гласъ моленія
моего.*

О какъ любезна мысль — и какъ она
приятна:

Что Богу моему моя молитва внятна, —
Что нуженъ лишь одинъ во дни печали
вздохъ

Къ нему, дабы Онъ преклонить свой слухъ
ко твари могъ! —

Кого несчастія, смертельныя печали
И адовы бѣды — собой не отягчали?

Я помню надо мной мучительную власть
Болѣзней и скорбей; но гдѣ сія напасть? —
И чемъ отвращено предвѣстье муки вѣч-
ной?

Мольбою къ Господу изъ глубины сер-
дечной!

Избавь меня мой Богъ — вѣщаль сердеч-
ный гласъ:

Ты милосшивъ — и въ томъ все увѣряешь
насъ;

Ты чаще милуешь, чѣмъ правоты взы-
скуешь, —
Младенцевъ жизнь хранишь, смиреннымъ
миръ даруешь; —
Смиряюсь предъ Тобой! — И спась меня
Богъ мой. —
Возприимижъ, душа, опять ты свой покой:
Господь бо на тебя щедроты изливаетъ,
Изъ сѣни смертныя рукою изымаетъ, —
И осушаетъ тѣмъ источникъ слезъ моихъ,
И указываетъ мнѣ стези путей прямыхъ! —
Чего же мнѣ желать въ сей жизни остается? —
Молишь Его, любишь — покуда сердце
бьется.

Людмила Короставцева.

Рондо.

Кто истинный герой? — не тотъ ли
кто щипаетъ
Забавою войну, что встрѣпшитъ — всё
сражаетъ, —

Кто дымъ и пепель зришь повсюду за
собой,
Чей мечъ всегда въ крови? — о, нѣтъ поть
не герой!

Ктожъ истинный герой? не поть ли
кто для славы
Желаетъ ѡдолѣть природы всѣ устави, —
Кто сушу и моря проходишь съ тѣмъ,
чтобъ свой
Поставить тамъ трофеи? — и этошь не
герой!

Ктожъ истинный герой? не поть ли
кто за славой
Не гонится пустой; но кто войной кро-
вавой
Доставить думаетъ себѣ и всѣмъ покой?
Сей славенъ можешь быть — однакожъ
не герой!

Ктожъ истинный герой? не поть
ли кто прощаетъ
Враговъ своихъ, когда ихъ слабоси при-
мѣчаетъ, —
Кто за отечество всегда стоишь горой? —
Сей мужественъ, — но все не истинный
герой!

Ктожъ истинный герой? не тотъ ли
кто родился
Собой повелѣвать, — кто Вѣрою учился
Ходишь и побѣждать гдѣ миромъ — гдѣ
войной, —
Кто воинъ — человѣкъ? — вотъ истин-
ный герой!

Е. Ф-ий.

Къ Лицинію.

Гарац. Кн. II. Ода 10-я.

Rectius vives, Licini et caet.

Щастливѣй будешь ты Лициній,
Коль вдалѣ не спанешь заплывать, —
Ниже съ опасностію жизни
Къ крупнымъ утесамъ приспавать.

*

Кто средней держится дороги;
Спокойно тотъ въ дому живетъ,
Не топчетъ у Царей пороги, —
Гдѣ зависть ядъ на всѣхъ лѣетъ.

*

Древа высоки вихрь ломаетъ, —
И гордо зданье — всѣмъ въ позоръ!
Лишь съ большимъ шумомъ упадаетъ;
Громъ чаще бьетъ въ вершины горъ.

*

Кто мужественъ душой не ложно,
Въ несчастіи тошъ счастья ждетъ;
И поступаетъ осторожно,
Какъ счастье къ нему идетъ.

*

Зевесъ низводишь хладну зиму,
Зевесъ и лѣто намъ даетъ;
Не ужъ ли мнишь, необходимо
Что нынѣ есть, то будетъ впредь?

*

Не безпрестанно напрягаешь
Надежный лукъ свой Аполлонъ;
Онъ часто Музу возбуждаетъ
Согласной лирѣ пѣть подъ шонъ.

*

Будь крѣпокъ, твердь! — Пусть не-
годуешь

Противъ тебя всѣ небеса.
Коль вѣтры счастливы подуютъ,
Собирай лишь езушы паруса.

Ив. Срезневскій.

Эротъ и пчелы.

(Изъ Эеокрита.)

Эротъ когда-то попытался
Полакомить себя медкомъ;
На пчельникъ къ мужику прокрался
Отъ матери, отъ всѣхъ тайкомъ.

*

Въ мигъ нашъ плутишка очутился
У медомъ полного улья;
За сотъ ручонкой ухватился:
Телерь, шепталъ, наѣлся я!

*

Но вдругъ: ай, ай! кричитъ ребёнокъ
И къ матери своей бѣжитъ;
Стряхаетъ пчель съ своихъ рученокъ,
И во слезахъ ей говоритъ:

*

„Ахъ, маминька, какъ пчелы злобны!
Ктобъ чаялъ быть отъ нихъ шому?
Онѣ всѣ влымъ змѣямъ подобны
И не спускаютъ ни кому.,,

*

Не плачь, сынокъ — туть мать сказала:
На что съ змѣями ихъ равнять?

Ты самъ имѣешь остро жало,
Умѣешь также всѣхъ кусать.

Ив. Срезневскій.

Вдохъ моего сердца.

О дружба, искренность — священный,
Прямое счастье всѣхъ сердець!
Вы блага на земли безцѣнны,
Въ васъ радость всю вмѣстили Творецъ!
Бывало люди васъ знавали —
И благость Бога восхваляли:
Другъ былъ — Его щедроты даръ,
Былъ крошкѣй нашъ благодѣлатель,
Былъ въ скорби нѣжный утѣшитель,
Ударъ намъ — другу былъ ударъ.

О дружба, искренность — священный,
Теперь совсѣмъ не знаютъ васъ!
Названья ваши незабвенны
Однѣ остались для насъ:
Мы нынѣ друга наживаемъ,
Ему жизнь нашу посвящаемъ,
Его клянемся ввѣкъ любить; —
Вдругъ видимъ друга полюбѣ,

Иль побогаче — познаиѣ;
И прежняго пора — забыѣ!

Все истинно и справедливо
То Коцебу намъ описаль,
И во своемъ романѣ живо
Людскія связи показалъ:
Онѣ, какъ паутина, тонки, —
Хотя названья носяѣ громки;
Ихъ рветъ приличія законъ;
Конецъ ихъ прихоть, какъ начало; —
Мигъ — сердце съ сердцемъ препенало;
Мигъ — и холодный лишь поклонъ!

Мы строимъ башни, тверды стѣны, —
Чтобъ въ нихъ какъ можно дольше жиѣ;
Но чувствамъ сердца драгоцѣннымъ
На что въ насъ долговѣчнымъ быѣ? —
Мы любимъ то, что только ново,
Что намъ польститъ на часъ готово;
А ктобъ всю жизнь намъ посвятиѣ,
Ктобъ насъ добру учиѣ старался,
Ктобъ съ нами щастьемъ подѣлялся, —
Тотъ можетъ ли быѣ долго миѣ?!

О дружба, искренность — священные!
Гдѣ можно васъ теперь найѣ?

Онъ непріятель лести, всегда на правду
 швердъ,
Строгъ будетъ къ негодяямъ, къ хоро-
 шимъ милосердъ.

Пусть всѣ — и проч.

*

Но чтобъ и намъ, ребяща, себя не остра-
 мить;
Намъ должно всею правдой и вѣрою слу-
 жить;

Чтобъ безъ стыда сказать:

Вивать нашъ Шефъ, вивать, вивать,
 вивать!

*

Докажемъ, чтобъ узнали другіе удалцы:
Что были мы не бабы — и будемъ молодцы!

Пусть всѣ теперь швердятъ:

Вивать нашъ Шефъ и проч.

*

Всѣ наши Командиры намъ будутъ помо-
 гать —

Начальника утѣшить, себя не замарать, —

И съ радостью кричатъ:

Вивать нашъ Шефъ, вивать, вивать,
 вивать!

Руской Солдатъ.

V. ХАРЬКОВСКІЯ ЗАПИСКИ.

Библейское Общество.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ Комитетъ Слободско-Украинскаго отдѣленія Россійскаго Библейскаго Общества получилъ изъ Санктпетербурга отъ Комитета Россійскаго Библейскаго Общества для составленія библіотеки по одному экземпляру Библий: на Славянскомъ, Англинскомъ, Польскомъ, Французскомъ, Шведскомъ, Нѣмецкомъ и Латынскомъ языкахъ; Новаго Завѣта: на Славянскомъ, Англинскомъ, Лапландскомъ, Армянскомъ, Греческомъ стараго и новаго нарѣчія, на Греческомъ новаго нарѣчія, Финскомъ, Ташарскомъ, Голландскомъ, Датскомъ, Французскомъ Католическаго изданія, Французскомъ Протестантскаго изданія, на Персидскомъ, Гишпанскомъ, Португальскомъ, Нѣмецкомъ, Италіянскомъ, Эстскомъ Дерптскаго нарѣчія, Эстскомъ Ревельскаго нарѣчія, Шведскомъ и Польскомъ языкахъ; такъ же Евангеліе отъ Матвея

на Калмыцкомъ языкѣ. Сія библіотека останется на всегда въ Харьковѣ и будетъ служить Комитету руководствомъ какъ при выпискѣ изъ Санктпетербурга книгъ Священнаго писанія, — такъ и для прочихъ могущихъ встрѣтиться справокъ. Получено такъ же достаточное количество экземпляровъ Библии и Новаго Завета на Россійскомъ языкѣ для продажи по самой умѣренной цѣнѣ и для бездежной раздачи людямъ не имѣющимъ способовъ къ покупкѣ сихъ спасительныхъ книгъ какъ то: раззореннымъ, бѣдствующимъ, наипаче же находящимся въ больницахъ, богодѣльняхъ или содержащимся въ тюрьмахъ и домахъ исправленія; словомъ всѣмъ немущимъ, но жаждущимъ слышать гласъ Спасителя вѣщающій: *прїидите ко мнѣ вси труждающіися и обремененніи и азъ упокою вы.* Въ скоромъ времени получатся еще Библии и Новые Заветы на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ.

Желающіе имѣть Библии или Новые Заветы могутъ обратиться о томъ прямо въ Комитетъ Слободско-Украинскаго

Отдѣленія Россійскаго Библейскаго Общества.

Цѣна Библіи въ переплетѣ:

На Славянскомъ языкѣ 6 руб.

— Нѣмецкомъ — 5 —

— Французскомъ — 9 —

Новаго Завѣта:

На Славянскомъ языкѣ 2 руб. и 2 р. 50 к.

— Нѣмецкомъ 2 руб.

— Французскомъ Протестантскаго изданія 2 руб. 50 коп. Каполическаго 3 р.

Отъ Господа бысть сіе, и есть дивно во очю нашею — съ восторгомъ возкликнешь всякой Христіанинъ, видя скорое разпространеніе и успѣхи Библейскихъ Обществъ не только между народами Европейскими, — гдѣ однимъ Великобританскимъ Обществомъ напечатано и раздано около двухъ милліоновъ экземпляровъ Библіи и Новаго Завѣта на разныхъ языкахъ, — но даже и въ другихъ частяхъ свѣта между мало просвѣщенными и почти дикими людьми. Въ Азіи собственными ея жителями переводится Библія на Персидской, Арабской, Индостанской, Турецкой, Ташарской и

Малайской языки и доставляется повсюду Магомешанамъ. Два изданія Новаго Заѣта на Кишайскомъ языкѣ приведены уже къ окончанію. Въ Африкѣ Священное Писаніе переводится на Булломокій, Абиссинскій и другіе языки. Въ Америкѣ число Библейскихъ Обществъ проспирается до 100 и непрестанно увеличивается.

Даже Гошпеншоты почувствовали пользу предпріятій библейскихъ Обществъ и учредили прошлаго года въ Бешельсдорпѣ, на мысѣ Доброй Надежды, вспомогапельное сотоварищество — подписавши въ пользу онаго около 800 рейхсталеровъ. Словомъ, вездѣ учреждаются Библейскія Общества и разпространяются благодѣтельные дѣйствія оныхъ; всѣ единодушно съ величайшимъ рвеніемъ стараются ускорить времяна, возвѣщенные намъ сими Божественными словами: *И научитъ кійждо ближняго своего и кійждо брата своего, глаголя: познай Господа. Яко вси познають мя отъ мала даже и до великаго ихъ.*

Подлинно мысль, что малая частица отъ избытковъ нашихъ удѣляемая и слу-

жащая къ наставленію и спасенію не только многихъ изъ согражданъ нашихъ къ истинной вѣрѣ приверженныхъ, но даже и безчисленныхъ народовъ блуждающихъ во тмѣ невѣденія, — подлинно мысль сія должна поощрить всякаго благомыслящаго содѣйствовать всѣми зависящими отъ него способами къ успѣху столь общепользнаго дѣла, каково есть разиространеніе слова Божія.

Общество Благотворенія.

Нѣмто, помѣщикъ одного уѣзда здѣшней Губерніи, К. опредѣлилъ 9-ти лѣтнюю сестру свою въ Институтъ сего Общества въ число своекоштныхъ пансіонеровъ съ платою положенныхъ за то денегъ. Прошелъ годъ послѣ того, — и деньги платились очень неисправно. Г-нь К. представлялъ въ оправданіе, что имѣніе у него женнино и что онъ деньги отъ нея получаетъ только при поѣздкѣ въ Харьковъ и что по рашенію для необходимыхъ покупокъ, — отъ ко-

торыхъ ежели что оставалось, — такъ онъ вносилъ за сестру въ Институтъ не сказывая о томъ женѣ своей (*).

На другой годъ Г-нъ К. со всѣмъ отказался платить деньги и просилъ объ отпускѣ сестры своей къ нему вовсе. Начальствующіе въ Институтѣ говорили о семъ между собою разсуждая: что одно содержаніе стоить нынѣ очень дорого, а потому безъ платы невозможно имѣть дѣвицъ сверхъ числа назначеннаго по штату и припомъ имѣющихъ родственниковъ съ значительнымъ достаткомъ. — Малютка все это слышала и зѣлавъ *свой* ращетъ вдругъ показалась странною: въ первый день не вышла къ обѣденному столу, отговариваясь нездоровьемъ; Смотрительница разспросивъ ее и не нашедъ ни какого припадка, положила посылать за докторомъ. Въ классъ явилась она исправно, училась прилѣжно обыкновеннаго и была потомъ весела. Вечеромъ прежде ужина она просила убѣдительно позволенія итти спать не

(*) Видно не одинъ Повинухинъ на свѣтѣ! —

ужинавши; снова Смотрительница ее спрашивала о болѣзни и не находя оной, убѣждала на ночь покушать чего нибудь, — но тщетно, дитя отказалась во все и была отпущена. На другой день не завтракавъ, отказалась — было опять и отъ обѣда; но когда приказано ей было сѣсть за столъ и непременно покушать хотя не много, — то малюшка хотя сѣла и кушала, но съ большою неохотою и даже со слезами. Спранность сія заставила Смотрительницу послѣ обѣда непременно узнать причину такого ея воздержанія — и чтожь? — Она созналась, что слышала о намѣреніи брата своего взять ее изъ Института и что безъ денегъ содержать ее болѣе здѣсь нельзя, потому что все дорого; и такъ рѣшилась, дабы ни кого не отягощать своимъ содержаніемъ — не вѣсть во все ничего, пока окончитъ науки въ Институтѣ; а для ученья и платья выработывать себѣ ~~и~~ рукодѣльемъ!!! —

Пусть представитъ себѣ всякой, — что великаго труда стоило отказаться ее отъ сего предпріянія, равно

какъ и увѣрить, что она безъ пищи не можетъ жить. — Обѣщали ее не возвращать къ брату, или лучше къ невѣсткѣ; малюшка успокоилась. Но не прошло недѣли, какъ братъ взялъ ее къ себѣ домой. Она рыдала, объясняла — что дома не будетъ имѣть способовъ для своего образованія, просила, убѣждала оставить ее; но ее увезли! — И невѣстка ее получила чрезъ то приобрѣли дѣйстви́тъ пятьдесятъ рублей въ годъ!!!

Сіе произшествіе есть самая прочная истинна. Что же, спросимъ теперь, можетъ лучше доказать пользу заведенія Института сего, — какъ не чувства невинной, безпритворной и едва начинающей разсуждать дѣвочки? — Такъ: дитя рѣшается ни пить, ни ѣсть для того, — что бы имѣть только случай учиться; а возрастные, совершенноые люди не рѣшаются удѣлится ничего не значущихъ 250 руб. отъ своихъ годовыхъ издержекъ, чтобъ для небеснаго благотворенія — не обидить своихъ приходей! —

Нельзя при семъ случаѣ не воззвать къ ужимъ благотворителямъ, которые

бы сняли бремя съ родныхъ и рѣшились доставить сугубую, истинную жизнь дитяти сему — и теперь уже обнаруживающему столь благородныя чувства!! —

VI. СМѢСЬ.

Библіографія выходящихъ въ Харьковѣ книгъ.

1. О состояніи Господскихъ крестьянъ въ Россіи. Сочиненіе М. Грибовскаго Доктора Обоихъ Правъ. Въ Универс. п. 116 стр. въ 12 д.

(Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ извѣщаемъ читателей нашихъ о семъ превосходномъ сочиненіи что оно есть собственное наше произведеніе какъ по мѣсту рожденія Автора, такъ и по мѣсту его образованія. Книга сія, нужная для помѣщиковъ и полезная для наблюдателей, написана чистымъ слогомъ, повидимому все еще труднымъ для насъ въ ашомъ родѣ).

Письмо къ Издателямъ.

Пардонъ, Месье! милъ пардонъ!

Я такъ захлопотался въ своихъ праздныхъ дѣлишкахъ, что и забылъ было о своемъ вамъ общаніи. Но чего не бываетъ на свѣтѣ? — Да и я вѣдь уже теперь не простой Руской помѣщикъ, — а познакомился съ Французскимъ просвѣщеніемъ; такъ держашъ свое слово вѣрно, какъ собаку на привязи, было бы для меня стыдно. Однакожь я не варваръ и не могу быть неблагодаренъ къ вашимъ одолженіямъ; вамъ, вамъ *Месье* и вашему почтеннѣйшему Журналу обязанъ я настоящимъ положеніемъ дѣлъ моихъ! Не будь его на свѣтѣ, — не доставъ онъ мнѣ случая познакомиться съ *Леконтомъ*, — и жена моя вѣчно бы меня бранила, Дуняша была бы дура душой, я ни за какіе деньги не выбился бы изъ *Фалалѣевъ* въ *Фалурдени*, мужики мои богачѣли бы — да и шолько. А теперь? — какая розница теперь!

Пожалѣйте однакожь со мною о Мусье Ле контѣ: ему день и ночь нѣтъ покоя отъ безпрестанныхъ трудовъ! Да и подлинно, — не человѣческаго ума и силъ надобно, чтобы передѣлать нашихъ глупыхъ мужиковъ во что нибудь порядочное. Сколько на него ропсаній за то, что велѣлъ вовсе бросить хлѣбопашество какъ господское, такъ и свое; скотъ весь продалъ; вино хоть въ половину дешевле, да оптомъ збылъ! Но то ли дѣло гуршова копѣйка! и деньги всѣ уже пущены въ оборотъ. Въ ожиданіи пока привезутъ машины и нитки для кружевъ, — всѣ мужики то садъ обрабатываютъ, то пруды чистятъ. Да ужъ какъ же и ворчатъ на него! „въ нищіе — дескать насъ пустилъ!“, — А того не понимаютъ, глупые, что всякой изъ нихъ лѣтъ черезъ 10-ть можешь вышши самъ кружевнымъ мастеромъ и жоны ихъ будутъ въ доанъ де л' ансонахъ. Да что объ нихъ и говорить. Наши крестьяне неучи есть и будутъ. „Лишь бы-де хлѣбъ родился, да скотъ водился, такъ мы и богаты.“ Ужъ какія ограниченныя желанія и самыя му-

жицкїя ! . . Нѣтъ, батюшки, послушайте ка Г-на Мусье, что онъ рассказываетъ про своихъ: онъ говоритъ, что шамъ всякой изъ нихъ Пейзанъ;—это-вѣдь не шутка! Для примѣра сообщу при оказїи вамъ отрывки нашихъ разговоровъ о полишкѣ; тогда-то вы отдадите долгъ справедливости сему великому человѣку. Теперь скажу только, что уже видны и плоды оборотовъ деньгамъ моимъ: мусье Леконтъ выписалъ для меня изъ Харькова стѣнной календарь,—а для моей жены и Дуняши множесство коробовъ съ косынками, платочками, кусочками и проч. и проч. А чтобы больше успѣть въ ихъ образованїи, — то пригласилъ онъ изъ Москвы свою родную сестру, по прозванїю мадамъ Пур-ту, преловкую, пресвѣтскую и превеселую женщину. Тутъ позвольте замѣтить истинно-французскую любовь къ своей *собратїи*: изъ обращенїя Леконта съ Мадамою заключаю, что она ему не родственница — или покрайней мѣрѣ очень дальняя родня; такъ не человѣколюбіе ли это?— не хотѣлъ пользоваться одному жизню въ нашемъ домѣ, а раздѣ-

лишь её и доставить намъ щастіе кормить еще и другаго! — Ишакъ, лишь только вошла Мадамъ въ горницу, лишь увидѣла насъ, — то и захохотала. Такъ-то наши деревенскія рожи на людей не схожи! — Потомъ она принялась за образованіе: начала съ жены, — засадила ее въ такую шнуровку, что бѣдная, ей! по человѣчеству говорю, едва дышетъ; остригла волосы на головѣ почти догола; напущала всякаго вздору и — между нами будь сказано — здѣлала ее похожую на пугало въ горожѣ. Дуняшу также завила въ шнуровку и — нельзя сказать о-дѣла — а правильнѣе скажу раздѣла: по тому что руки, шея, грудь и многое кое-что у ней открыто и не закрыто. За то вѣдь ужъ въ послѣдней модѣ; гдѣ бы намъ это безъ французскаго просвѣщенія увидѣть! Она не учитъ Дуняшу ничему, кромѣ французскихъ романсовъ; и дитя играя и припѣвая выучивается болтать хоть бы куда! Жена моя также кое-что переняла и за ними подтягиваетъ; да и я самъ, хотя словъ не знаю, а многіе голоса вышвердилъ и въ публикѣ съ ними

мурнычу. Я говорю въ яубликѣ; потому что у насъ теперь съѣздъ не на шутку. Кромѣ жены моей, Мадамъ Пур-шу, мусье Ле конша, Дуняши и меня — пожаловала къ намъ и вселюбезнѣйшая теща моя Гжа Вопіюхина съ дочерью своею сущою еще въ дѣвицахъ. Намѣреваясь дѣлать описаніе жизни моей, не лишнимъ щитаю познакомить васъ съ сими особами игравшими въ судьбѣ моей важную роль. Сперва однакожь сообщу вамъ случай доставившій намъ щастіе видѣть у себя сію почтенѣйшую женщину прибывшую изъ Н. Губерніи. Это было 20-е Мая, день моихъ именинъ, — для чего съѣхалось изъ всей окрестности такое общество что хотя бы и у васъ въ Харьковѣ, такъ хорошо; это первая причина. Вторая: любезнѣйшая моя теща не следила съ моимъ шестемъ при концѣ жизни его. Онъ не подписалъ духовной и ни одного векселя; а потому и имѣніе почти все отходитъ малолѣтнимъ послѣ сына его; бабинька же и шѣшинька осѣдаютъ при конскомъ заводѣ. Кажется бы и довольно? — Но — отсохши рука не желающая себѣ

добра; — почему онѣ и пустились въ процессъ. Нашлись добрые люди и помогали имъ, или лучше себѣ; выстроили дома для себя, а ихъ пустили на произволь; живите-дескать хоть въ шатрѣ, лишь бы мы остались въ добрѣ. Кое-какъ однакожъ бѣдняжки поправились; составили фальшивую духовную, рядную и приданой списокъ,—котораго каждая спрочка стояла или кареты, или коня, или земельки, или шали. Дѣло-то-бы и съ концемъ — кабы не Губернiя; но тамъ-то и всѣ бѣды сидятъ,—какъ будто не одни вездѣ законы! Ужь когда въ уѣздѣ ихъ понагнули; чего бы Губернскому доискиваться еще правды и разспрашивать то, что много умныхъ головъ сочиняли? Бѣдная старушка кричитъ: я внуковъ люблю равно съ моими дѣтьми; а потому и имѣнiе хочу раздѣлить съ ними по-равну. Вѣдь кажется чего бы лучше? такъ нѣтъ-таки: Палата да Губернское разыскали, что люби какъ хочешь, а опцовскаго не удерживай,—отдай сиротамъ, себѣ же бери лошадей,—всякому свое. Однакожъ, коли чего чортъ не сможетъ, тамъ подъячiй дапоможетъ. Теперь онѣ улепе-

нываютъ отъ разныхъ слѣдствій, а между тѣмъ имѣнїе въ ихъ рукахъ. Мужички ху-
дѣютъ, ихъ карманы толстѣютъ, а потому
и Судьи имъ радѣютъ. Ей хорошо, а ма-
лолѣтнихъ кто нибудь призрѣть и гра-
мотѣ выучить; когдажъ достигнуть со-
вершеннолѣтїя, — то убояся бездны про-
цесса сожгутъ всѣ щеты — и дѣло кон-
чено! По совѣту Судей, уплешая отъ раз-
дѣла, сударыня моя пѣща укашила изъ
дому и переѣхавъ въ нашу Губернїю жи-
ветъ у меня. А ежели придетъ публи-
кація и ко мнѣ; то она отправится еще
далѣе куда нибудь будшо для богомолья!
При имѣнїи ея есть прикащики; слѣдо-
вательно не дадутъ ее въ обиду. Вотъ какъ
живутъ умные люди покровительству-
емые благодѣтелями! Правду говоря: не
купи села, купи судью. Симъ-то
двумъ случаямъ обязанъ я щастїемъ, что
живетъ у меня моя любезнѣйшая пѣща! —

Теперь о ея характерѣ. Она жен-
щина удивительная; единственное ея
занятїе: чтенїе Псалтыря, бесѣда съ
повѣренными и проповѣданїе имъ за-
кона Божїя. Чѣтая Псалтырь, распоря-

жаешь она въ домѣ — и отъ того выхо-
дитъ удивительная смѣсь. Представьте
себѣ на примѣръ: дѣйствіе въ собствен-
номъ домѣ; утро день и вечеръ всё однѣи и тѣ-
же кулисы: посреди большой комнаты на-
крытъ столъ всегда одною скатертью; у
дверей стоятъ прикащики, дворецкіе, по-
вары, ключницы и проч.; кое гдѣ по угламъ
размѣтаны дѣвицы живущія у нея въ до-
мѣ, бѣдныя — во всѣхъ отношеніяхъ — а
особливо по послѣднему обстоятельству:—
онѣ сидятъ, не смѣютъ ворохнуться,
ждутъ къ себѣ опзыва,— и какой бы онъ ни
былъ, языкъ ихъ поставленъ уже въ по-
зиціи литеры Т, что бы немедленно при
первомъ обращеніи рѣчи и даже взгля-
дѣ сказать не головоломное *такъ-съ* или
тотчасъ. Въ углу накрытъ столикъ, на
немъ: развернутая Псалтырь, головная
щотка, гадательныя карты, чотки, образ-
цы шпанской шерсти, прозбы принесен-
ныя повѣренными къ подписанію, сальные
огарки отъ вчерашняго вечера, письма
приятельницъ такихъ же какъ и она и—
просфира. — Г. жа Воейюхина ходитъ по-
чесывая голову, молится и разговариваетъ,

вмѣшивая часто въ обѣ статьи пропѣжаное *охъ* пону приятнѣйшаго контр-аль-жа — и вотъ читаетъ: *Вскую шаташа-ся языцы* — а вотъ какъ воѣхъ пересѣчь, такъ и уймутся; *возолихъ въ скорѣи моеи* — осторожнѣй съ чашками управляйтесь; *возрадуясь и раздѣлю сими му* — а малолѣтнимъ частей не отдамъ, не отдамъ; да не когда *речеть врагъ мой: укрѣпихся на него* — что это за бездѣльники! *сотворити отъищеніе во языцѣхъ* — въ опе-ку подать должно прозъбу; *вознесу тебѣ во-лы съ козлы* — членамъ послать овса, исправнику въ подарокъ коляску съ лошадыми, и проч. тому подобное. И это представленіе повторяется каждый Божій день! — Что касается до дочери, то и она не портишь характера своей маменьки: она дѣвица необычайная и какъ говорится — давшишня; щеголиха въ формѣ; все у нее гофрировано, начиная отъ манишки до лица — хотя послѣднее и измѣняетъ ей, — особливо же, увы! волосы. Одѣвается всегда такъ, какъ я ска-залъ выше про Дуняшу: плащѣцо дѣт-ское и въ такой пропорціи, какъ будто

она изъ него мѣсяцъ только выросла. Но объ ней послѣ.

Итакъ, Месье, вотъ вамъ вкратцѣ начальная черта нашего семейства! Судя по сему началу вы можете надѣяться, что Исторія моя будетъ занимательна. Какъ бы то ни было; но теперь у насъ жить весело. Немного радость моя смущается, что управляетъ всѣмъ моимъ имѣніемъ мусье Леконтъ, а я подавай денегъ. Занималъ, — да ужъ и голова кружится; даже и подушные съ крестьянъ, вмѣсто казны, въ рукахъ у Француза. Обнадеживаетъ мой голубчикъ и все твердишь: *су верё, су верё*. Иногда хотѣ бы ему и не хлопоталъ о деньгахъ; такъ придетъ мадамъ Пур-ту, взглянетъ — я и распаялъ, заговоритъ — я ключи вынимаю, запоешь — отпираю шкафъ, возьметъ меня подъ бородку — я за деньги, она ихъ подхватитъ — да и шагу. — Преловкая женщина! Боюсь признаться, а что-то мерещится она мнѣ и во снѣ. Прахъ ихъ побери! въ моихъ лѣтахъ долго ли исполнить надъ собою пословицу: сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро? Но что мнѣ

дѣлать? Хотя я и спарь, а все таки чело-
вѣкъ и къ тому же

Фалурденъ Повинухинъ.

P. S. Да! забылъ-было сообщить вамъ
важное обстоятельство: вы я думаю за-
писали уже меня съ опцемъ Трифаномъ
во лжецы, относительно способности
нашей къ стихотворству. Постойте
месье! мы изъ бѣды выпутаемся; а для
задатку посылаю вамъ списки, да и не
простые еще, сочиненія необлжно и соб-
ственно отца Трифана. Спасибо, спаци-
бо ему! не забылъ почтить день имя-
нинъ моихъ, какъ водится. Отслужи объ-
дню пожаловалъ ко мнѣ, поднесъ просфи-
ру; я думалъ что тѣмъ и кончится. Во-
образите же мое удивленіе, когда вынулъ
онъ изъ кармана бумагу золотообрѣз-
ную, развернулъ ее — я изъ любопыш-
ства подошолъ и увидѣлъ чоткую руку
нашего понамаря, которой учился писать
и есть не послѣдній писака уставными
буквами! Вотъ я и спросилъ: что бы это
было? ужъ не реляція ли какая? Отецъ
Трифанъ подозвалъ голосистаго нашего

дьячка, который учился даже въ поэзіи — и велѣлъ ему читать. Сердце хотѣло выпрыгнуть отъ радости, какъ я прослушала стихи; хотя декламировка и не всѣмъ намъ понравилась, но что до декламировки? Когда хвалятъ насъ, то каковъ бы ни былъ голосъ и искусство — всё похвала для насъ приятна! — Замѣшьте-ка, месье, какъ искусно отецъ Трифанъ помѣстилъ въ стихахъ завидныя обстоятельства Дуняши и жены моей! Не должно ли при этомъ сердце мое расти отъ радости? — Но лучше напечатываютъ стихи сіи вмѣстѣ съ письмомъ; пусть всякъ ими полюбуется.

АКРОСТИХЪ

въ день тезоименитства Его Благородія Фалалея Фсодуловича Повинухина.

Пусть Кронъ несетъ съ собой все въ
пропасти забвенья
Отнять же чтобъ тебя нѣтъ силъ въ
немъ, нѣтъ умѣнья,
Тотъ можетъ подъ его и ты падешь
косой;

И чтожь успѣетъ онъ? Сердечною слезой

Нещасливыхъ сиротъ всегда прахъ оросится

А щасливыхъ же женъ во вѣки продолжится

Хоть воспоминаніе то о твоихъ дѣлахъ

И сколь таковъ какъ ты для женъ всегда мужъ благу!

На многія лѣта тебѣ я жить желаю;

А края же стиховъ, тебя я называю.

Нижайшій вашего села отецъ Трифанъ Панахидинъ.

Радости радостями, а вздохнешъ таки иногда: крестьяне плачутъ, въ домѣ я не хозяинъ, денегъ нѣтъ, долгъ уже есть, — а фабрика все еще не поспѣла! Многіе, думаю, станутъ у васъ искать въ Успенскую ярмонку дамы закушанной въ поанъ де л'ансоны; — однакожь жена моя будетъ сидѣть дома! Какъ показаться въ свѣтъ не лучше всѣхъ одѣшою, когда Мусье Леконтъ и мадамъ Пур-шу управляютъ имѣніемъ и наряжаютъ насъ? Но чего не бываетъ на свѣтѣ? Обстоятельствами иногда повернуть мудрено!!

О подлискѣ на новую книгу.

ТЕОРІЯ МУЗЫКИ.

Сочиненіе

Густава Гессъ де Кальве.

Переводъ

Разумника Гонорскаго.

Въ двухъ частяхъ.

Книга сія отчасти уже извѣстна Читателямъ нашего Журнала по опрывкамъ въ немъ помѣщеннымъ. Сочинитель имѣлъ щастіе поднести первую часть своей Теоріи — Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ ЕЛИСАВЕТЪ АЛЕКСѢЕВНѢ. Она благоволила принять ее, позволила украсить Своимъ именемъ и наградила Автора бриллантовымъ перстнемъ.

Вопрь извѣщеніе самаго Г. Сочинителя:

Недостатокъ на Рускомъ языкѣ сочиненія, которое бы содержало въ себѣ теорію музыки — изложенную хорошимъ и для каждаго понятнымъ слогомъ, побудило меня касающіяся до сего предмѣта свѣденія

плоды многолѣшняго и по большой части на собственныхъ опытахъ основаннаго труда соединить вмѣстѣ, привести въ порядокъ и въ видѣ цѣлаго представить свѣту подѣ названіемъ *теоріи музыки*. Дороговизна печатанія, а особливо гравировка чертежей не обходимыхъ для разумительнаго чтенія равномерно и желаніе издать сочиненіе мое на чистой и хорошей бумагѣ — все сѣ побудило меня избрать способъ подписки. Я увѣренъ, что просвѣщенная и любящая искусства публика оправдаетъ меня въ этомъ. Сочиненіе сѣ состоить изъ двухъ частей, изъ коихъ первая выйдетъ въ С. Петербургѣ въ началѣ Октябрю, а вторая вслѣдъ за нею. Содержаніе первой части:

1. о музыкѣ вообще и происхожденіе оной
2. о слухѣ, какъ главнѣйшемъ чувствѣ для сего искусства,
3. о пѣніи,
4. о тонахъ,
5. о родахъ тоновъ,
6. объ интервалахъ,
7. о діатоническомъ, хроматическомъ и энгармоническомъ интервалахъ,
8. о равномерной температурѣ,
9. о ключахъ,
10. о тактѣ,
11. о музыкальномъ акцентѣ и знакахъ,
12. о тонахъ и изоб-

раженіе оныхъ, 13. о генераль-басѣ и композиціи, 14. о темпѣ и главныхъ движеніяхъ въ музыкальномъ сочиненіи. — Содержаніе второй части: 1, объ инструментальной музыкѣ вообще, 2 объ инструментахъ съ Римскими и съ мешаллическими струнами, 3 о духовыхъ инструментахъ; исторія и способъ, какъ должно употреблять ихъ въ композиціи, 4. о родахъ музыки, 5. о церковной музыкѣ, Россійской, Грузинской, Арменской и Римско-кашполической; 6. объ оперѣ, ея Исторія, 7. о симфоніи, концертѣ, фугѣ, канонахъ, рондо, балладѣ, пѣснѣ, варіаціяхъ и пр. 8. о музыкѣ для танцовъ, 9. о фантазіяхъ, съ приложеніемъ таблицъ всѣхъ въ музыкѣ употребляемыхъ переходовъ изъ одного тона въ другой. — Выдавая сочиненіе сіе болѣе для общей пользы нежели для прибыли, назначаю пренумераціонную цѣну, сколько можно дешевлѣ, т. е. за обѣ части *лѣтнатцать рублей.*

Подписка принимается въ С. Петербургѣ у Г-на *Вольфа* и компаніи въ большой морской въ домѣ подъ №: 152 до начала Августа; въ Москвѣ у *Ленгольда*

на Ильинкѣ до начала Сентября, въ другихъ Губерніяхъ до начала Октября. Г-дѣ пренумераншовъ, жительствоющихъ въ южныхъ Губерніяхъ покорно прошу адресоваться въ Харьковъ къ Г. Витковскому. Сверхъ того могутъ такъ же адресоваться и къ Издателю Украинскаго Вѣстника Разумнику Гонорскому. Для Г-дѣ пренумераншовъ нашего округа подписка продолжится до половины Ноября.

Имена Г-дѣ подписавшихся будутъ припечатаны во второй части.

Густавъ Гессъ де Калье.

О Ш И Б К И:

Стр. 55. стр. 15. чит. легальное.

Стр. 65. стр. 2. чит. прошло.